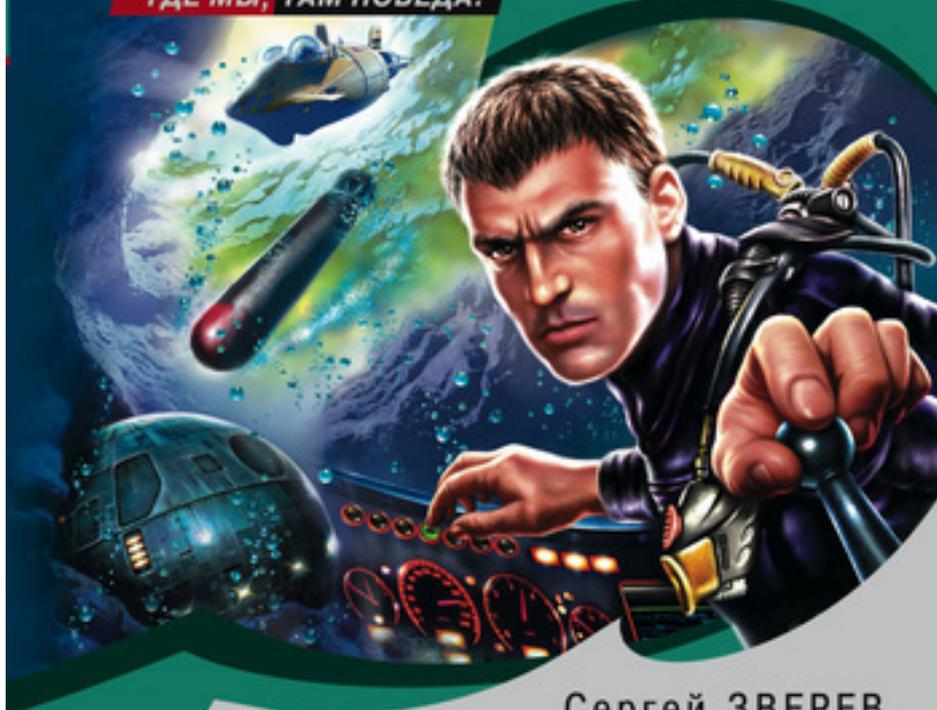

МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

БИТВА НА ДНЕ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Битва на дне

«Научная книга»

2005

Зверев С. И.

Битва на дне / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2005 — (Морской спецназ)

Пожалуй, на Северном флоте нет личности более прославленной, чем командир особого отряда элитного подводного спецназа старлей Серега Павлов, он же Полундра. Про него говорят, что он и в огне не горит, и в воде не тонет. Задания самой высокой степени сложности приходилось ему выполнять со своим отрядом. А сейчас он – наедине со своей «Нерпой». Это – новейшая мини-субмарина, в которой Полундра должен опуститься на морское дно близ острова Шпицберген и достать упавший туда российский военный спутник. Его задача – сделать это раньше американских «морских котиков»: янки очень желают познакомиться с «начинкой» сверхсекретного спутника. А если не удастся их опередить, то сразиться с ними под водой. Один против целого отряда подводных пловцов-спецназовцев – такого приключения у Полундры еще не было...

© Зверев С. И., 2005

© Научная книга, 2005

Содержание

1	5
2	11
3	13
4	17
5	20
6	24
7	29
8	32
9	36
10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Зверев

Битва на дне

1

Багровое вечернее солнце медленно, словно бы нехотя, опускалось за горизонт. Этот август выдался не просто жарким: уже вторую неделю палило, как из доменной печи, и ни одного дождичка. Жара съела легкие утренние перистые облака, придала небу блеклый беле-ый оттенок. Над стартовыми столами дрожало и переливалось знойное марево, в котором пус-ковые установки, ажурные конструкции направляющих мачт, подсобные строения космодрома – все казалось зыбким и нереальным, словно приснившимся наяву.

Но здесь, в одном из подземных бункеров Центра управления полетами Космических ВС РФ космодрома Плесецк, жары не чувствовалось. Мягкое, чуть слышное гудение кондиционе-ров, тихие голоса, мурлыканье компьютерных терминалов, пощелкивание метронома...

Кто-то не шибко умный пустил еще в самом начале так называемой перестройки хлест-кий оборотец, мол, Россия – это Верхняя Вольта с ракетами. Ну, тогда время весьма специ-фическое было: Россию только ленивый не хаял и не унижал. Но вот относительно Верхней Вольты – так это натуральная собачья чушь. Что-то, а военно-промышленный комплекс у нас до сей поры способен удивить любого и некоторые направления аэрокосмических исследова-ний в нашей стране на десяток лет опережают соответствующие разработки что янкесов, что объединенных европейцев. При необходимости, а пуще того при наличии политической воли, Россия еще очень может оскалить зубы, причем в глобальном масштабе. Ясное дело, для наших бывших заклятых врагов, а с недавнего времени еще более заклятых друзей, никакой это не секрет. Шпионят помаленьку... Равно как и мы за ними. А попутно, что подделаешь, коли такие времена настали, пытаемся чуток заработать на новейших уникальных космических техноло-гиях. Так, на поддержку штанов.

Как раз об этом переговаривались сейчас два молодых парня, операторы слежения ЦУПа космодрома Плесецк.

– Так чего же они гонят спешку с запуском, если носитель, считай, вхолостую пойдет? – Высокий широкоплечий блондин с пшеничного цвета усиками недоуменно покачал головой. – Хотели на орбиту семь спутников выводить, обычный классический пакет, и деньги неплохие светили – шесть из них по контракту с иностранцами. А теперь... Ничего не понимаю! Оставили только один, шесть контрактных сняли к чертовой матери, но пуск не отменили. Почему?

– А!.. Начальству виднее, – отозвался сидящий за соседним пультом. – Я слышал, что неполадки у носителя не критические. Должно вроде бы все нормально пройти. Почему, гово-ришь, шесть сняли, а один оставили? А ты сам подумай...

– Чего тут думать, – усмехнулся блондин. – Если контрактные спутники по нашей вине при запуске медным тазом накроются, то придется такую неустойку клиентам платить, что мало не покажется. А оставили наш, причем наверняка военный. Страна у нас богатая, денег не жалко, особенно если они казенные. Выйдет на расчетную орбиту – хорошо, а нет, так мы новый сделаем. Ох, не нравится мне это! Пуск через минуту, а вот поверишь ли – не на месте душа, и все! Какое-то предчувствие хреновое.

– Да будет тебе паниковать! Каркаешь, как ворона старая. Велика беда – не критические отклонения двух-трех параметров носителя. Вот увидишь, все будет тип-топ!

На экранах громадных мониторов во всей своей жутковатой красоте отсверкивала метал-лом стройная игла межконтинентальной баллистической ракеты-носителя. Натовцы прозвали этот могучий военно-космический аппарат Сатаной, и недаром. Поднимая при необходимости

до двух дюжин разделяющихся мегатонных боеголовок индивидуального наведения, ракета была способна натворить такого, что и подумать-то страшно. У американцев не было носителей такой мощности и точности, что вызывало у наших недавно обретенных «друзей» острую зависть и неистребимое желание любым способом выведать некоторые детали тактических и технических характеристик ракеты. Вот вам и «Верхняя Вольта»! Все же, как ни говори, а умели работать российские инженеры и ученые в закрытых КБ.

Начался обратный отсчет секунд перед запуском, направляющие и питающие мачты плавно отошли от могучего тела ракеты.

...Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Пуск!

Продувка дюз, малая тяга, половинная и, наконец, полная. Огненный столб с тяжелым победным грохотом поднял ракету над стартовым столом. И она, сначала медленно, с трудом разрывая оковы земного тяготения, а затем все быстрее и быстрее пошла вверх, всей силой отдачи отталкивая от себя планету.

И вот тут-то выяснилось, что, вопреки оптимистическому прогнозу одного из операторов слежения, никакого тип-топ не получится, а получится совсем наоборот. Видимо, некритические отклонения оказались достаточно серьезными: ракету-носитель потащило совсем не туда, куда было запланировано. Телеметрия показывала бог весть что, приборы слежения как с ума посходили, и в ЦУПе началась легкая паника. Попытка подкорректировать траекторию направленным модулированным радиолучом прямо отсюда, из центра, оказалась безуспешной. Несмотря на лихорадочные усилия всех операторов смены, траектория носителя все больше отклонялась от расчетной. Ракета перестала подчиняться запустившим ее людям, на краткие мгновения полета она обрела свободу. Уже ничего нельзя было поправить. Паника в ЦУПе набирала силу.

Дверь бункера ЦУП широко распахнулась, и в него вошли двое военных. Все правильно, как же в такой нештатной ситуации да без высокого начальства?

Первый из вошедших носил погоны генерала российских аэрокосмических войск. Еще довольно молодой для своего звания, лет сорока с небольшим, с коротким чуть седеющим ежиком и умными цепкими глазами. Сейчас в его взгляде читалась некоторая растерянность, чуть ли не смущение.

Вторым был высокий седой моряк в форме контр-адмирала. Важнейшей чертой внешнего облика этого человека было ярко выраженное чувство собственного достоинства, но незамутненное самодовольством. Большая редкость по нынешним временам! Ему явно ранее не приходилось бывать в Центре управления полетами, он оглядывался по сторонам с заметным любопытством.

– Так что с моим спутником, Олег Васильевич? – спросил он у генерала, который напряженно считывал с монитора последние данные телеметрии. – Я ведь в вашей епархии полный профан, всю свою жизнь с кораблями дело имел, но не с космическими. Я так понял, что какие-то неполадки?

Вопрос был резонный, потому что единственный спутник, поднятый свихнувшейся ракетой, запускался по заказу российского ВМФ. Очень рассчитывали военные моряки на этот спутник, связывали с его запуском весьма радужные надежды и далекоидущие планы. Так вот надо же было такой пакости случиться!

– Погано с вашим спутником, Петр Николаевич, – с нескрываемой досадой ответил ему генерал. – Сейчас специалистов послушаем, операторов слежения, хотя... И так все, к великому сожалению, ясно как божий день.

Он перевел взгляд потемневших глаз на одного из операторов, того самого оптимиста, который уверял своего приятеля, что все будет тип-топ.

Тот, повинувшись безмолвному приказу генерала, поднялся из-за пульта, виновато развел руками:

– Нам не удастся стабилизировать траекторию носителя, так что спутник можно считать потерянным.

– Конкретнее. Что значит «потерянным»? Ракета вышла за пределы атмосферы или нет?

– Нет, товарищ генерал, не вышла. Слишком мал угол восхождения.

– Очень жаль, – мрачно прокомментировал Олег Васильевич. – И здесь не повезло. Закон природы – раз пошла непруха, подставляй карман пошире...

– А почему это так плохо, что носитель не вышел из атмосферы? – поинтересовался моряк.

– Все потому же. Когда спутник выводится на геостационарную орбиту, то носитель идет по восходящей дуге очень крутой параболы. И если, как сейчас, произошла ошибка, если на стабильную орбиту объект не выходит, то на нисходящей ветви той самой параболы он сгорает в атмосфере, – генерал досадливо поморщился. – В нашем же случае ракета пошла опять же по параболе, но значительно менее крутой. Под совсем небольшим углом к горизонту. И ни хрена теперь спутник со всей его начинкой не сгорит, разве что раскалится! И в результате самым распрекрасным образом долбанется, – он вновь перевел взгляд на оператора, – точнее, уже долбанулся, вот куда, кстати?

Тот снова несколько растерянно пожал плечами:

– Ориентировочно где-то в акватории Гренландского моря, рядом с архипелагом Шпицберген.

– Ах ты, дьявол меня морской задери, – с нешуточной злостью сказал контр-адмирал. – Вот это уже совсем хреново! Что же получается: наш целехонький спутник свалился не куда-нибудь, а аккуратно...

Генерал мрачно кивнул. Ему создававшаяся ситуация тоже крайне не нравилась. Уж хоть бы в другое какое место свалился злосчастный спутник, а тут – надо же! – как нарочно.

– Поднимемся в мой кабинет, Петр Николаевич, – в его голосе отчетливо слышались извиняющиеся нотки. – Срочно надо посоветоваться. Да и руководству доложить...

– О славных наших достижениях? – иронично поинтересовался контр-адмирал Северного флота Петр Николаевич Сорокин. – Вы хоть можете установить точное место падения? Ну, хотя бы круг радиусом до двух-трех морских миль? Нам же по любому его искать придется!

– Боюсь, что нет. – Олег Васильевич прямо с лица спал от досады и стыда. – Наши станции слежения на российском Севере уже лет шесть практически не финансируются, там такое... Э, да что от вас-то скрывать, будто сами, Петр Николаевич, не знаете! Развал там сплошной. Вроде бы нет прямой угрозы нападения оттуда, вот и... экономим.

– Тьфу, пропасть, – выругался Сорокин, причем было совершенно ясно, что он лишь огромным усилием воли сдержал выражения куда более крепкие. – Прямой угрозы, значит, нет? Одна кривая... Вот у натовцев там все в полнейшем порядке!

На закрытом экспертно-оперативном совещании, срочно собранном в кабинете генерала космических войск Олега Васильевича Шаховского, царил та же атмосфера всеобщего уныния. Было от чего: уж слишком неудачно упал спутник! Вся беда заключалась в том, что свалился он совсем рядышком с новейшей и суперсовременной американской радиолокационной станцией AN/FPS-129, расположенной вблизи норвежского городка Варде всего-то в полусотне километров от российской границы.

Для российских военных эта РЛС давно уже стала настоящей костью в горле, причем никоим образом не извлекаемой! В 1997 году норвежский парламент – стортинг – одобрил создание на базе мощного американского радара крупной станции слежения в Варде. Так возник объект, именуемый в Норвегии «Глобус-2». Главная задача этой РЛС состоит в слежке за российскими стратегическими объектами, в том числе космодромом Плесецк, с которого осуществляются плановые запуски российских межконтинентальных баллистических ракет. И

ничего, буквально ничего нельзя было поделаться с этим внезапно появившимся у российских границ шпионским гнездом!

Стортинг принял решение? Король Норвегии подписал соответствующие бумаги? И отвалите, господа-товарищи, вы хоть теперь вроде не совсем враги, а как бы наоборот... Но дружба дружбой, а табачок врозь!

Никто не испытывает особой нежности к вероятным конкурентам, а отсюда с неопровержимой логикой следует, что сильная Россия вовсе не нужна ни Соединенным Штатам, ни их партнерам по Атлантическому пакту. Противодействовать этому бессмысленно, а соглашаться с таким положением вещей досадно. Однако приходится...

РЛС «Глобус-2» является в своем роде единственной в мире. Уникальной. Она способна «видеть» и анализировать поведение любого объекта в космосе на расстоянии свыше сорока тысяч километров от Земли. Что уж говорить об объектах, расположенных почти на самой земной поверхности в нескольких десятках километров от нее...

Ну и что здесь такого, казалось бы? Всем известно, что страны НАТО и Россия следят друг за другом как из космоса, так и с Земли. Но все дело в том, что «Глобус-2» – это не просто наблюдательный центр! Значительно хуже!

Российские военные убеждены, что радар в Варде является важнейшим элементом в создаваемой США системе противоракетной обороны. А расположение и характер деятельности «Глобус-2» не оставляют никаких сомнений в том, что, по крайней мере, в данном случае американская ПРО нацелена против России, а отнюдь не Северной Кореи или какого-либо иного государства.

Примечательно, что «Глобус-2» был создан всего несколько лет назад, то есть никак не может считаться наследием холодной войны. Только включить его на всю катушку американцы и норвежцы осмелились не сразу, а лишь после того, как США решили выйти из Договора по ПРО, в нарушение которого был построен «Глобус-2». Радар заработал в феврале 2001 года. С тех пор в ответ на протесты России США и Норвегия дают один и тот же стандартный ответ: «Глобус-2» не работает против России. Интересно, а против кого же он в таком случае работает? Очевидная лживость утверждений Вашингтона и Осло относительно проекта «Глобус-2» и то усердие, с каким Норвегия всякий раз отвечает России отказом в ответ на предложение о проведении совместной инспекции сверхсекретного объекта в Варде, наводят на грустные размышления. Получается, что США и Норвегия продолжают рассматривать Россию в качестве своего главного потенциального противника.

Туманные же заверения американского Госдепартамента относительно неких зловещих международных террористов, за которыми якобы призвана следить РЛС в Варде, вообще никакой критики не выдерживают. Ну нет у хоть трижды международных террористов баллистических ракет, нет и не предвидится, хвала всевышнему!

– Вы, Олег Васильевич, хоть понимаете, какой величины свинью вы нам всем подложили? – раздраженно поинтересовался контр-адмирал Сорокин, оставшись с глазу на глаз с хозяином кабинета после окончания оперативного совещания. – Положение-то аховое! Спутник буквально нашпигован новейшей электроникой, мы просто не имеем права допустить, чтобы он попал в руки норвежцев или американцев, что, кстати, в данном случае одно и то же.

– Не хуже вашего понимаю, Петр Николаевич, – столь же раздраженно откликнулся генерал Шаховской. – Мало того, вы упускаете из виду еще один крайне неприятный аспект. Пока янкесы могут только гадать, что за прелесть булькнула под боком у их северного союзника по пакту, но как только они доберутся до спутника, то сразу же сделают простенькие выводы. Что у вас, Петр Николаевич, что у меня допусков и подписок как у Жучки блох, так что давайте друг с другом в страшные военные секреты не играть. Ведь флот запускал спутник именно с целью отслеживания американских атомных подводных крейсеров, я прав?

– Как вы об этом... почему вы так решили? Официально спутник должен был быть задействован в гидрографических исследованиях.

– Будет вам! Не надо семь пядей во лбу иметь... Беда в том, что и американцы об этом направлении вашей «исследовательской» деятельности мгновенно догадаются и разведут вонючу на уровне Госдепа. Так что нам, а точнее нашему с вами начальству, придется иметь дело с российским МИДом, а дипломаты военных не любят испокон века, так что оттопчутся по полной программе. На хвостах нашего начальства. Мы же теперь с натовцами такие друзья, что просто оторопь берет! А начальство, соответственно...

Сорокин мрачно кивнул: опыта ему было не занимать, он начинал еще при легендарном адмирале Касатонове, а к настоящему моменту был начальником оперативного управления штаба Северного флота.

– Что вы собираетесь предпринять?

На некоторое время генерал Шаховской погрузился в глубокое раздумье. Было совершенно ясно, что он принял решение, но решение это было ему почему-то неприятно. Наконец он глубоко и недовольно вздохнул, нахмурился и поднял глаза на своего собеседника.

– Каждый должен заниматься своим делом, тем, что он хорошо знает и умеет, вы согласны, Петр Николаевич? Поэтому придется обратиться к специалистам тайной войны... Да-да, есть у нас такие люди, специально к нам прикомандированные, как раз на случай всякого рода непредвиденных ситуаций и прочих поганых заморочек. Честно скажу, обращаться я к ним не люблю, я боевой офицер и мне все эти деятели «плаща и кинжала» малосимпатичны, как бы ни назывались их конторы. Однако, – генерал помедлил, – усевшись в лужу, как-то не слишком разумно охоть по поводу сияющей чистоты мундира.

Не дожидаясь ответной реплики контр-адмирала, Шаховской ткнул пальцем в кнопку селектора:

– Подполковника Тинякова ко мне. Срочно.

...Через несколько минут дверь генеральского кабинета отворилась, и в нее вошел бледный светловолосый мужчина сорока с небольшим лет, с водянисто-голубыми глазами и квадратным подбородком. Вообще его внешность была какой-то тусклой, стершейся, подчеркнута незаметной и заурадной. С таким человеком час проговоришь, а через минуту после окончания разговора уже не помнишь его лица. Китель с погонами подполковника, а вот на петлицах – «змеюка с рюмкой» военного медика.

Сорокин только хмыкнул про себя: знал он таких военных медиков. Как-то не удосужились до сей поры изобрести специальную эмблемочку для военной разведки! Из какой же он конторы, интересно? Вероятнее всего, из ГРУ.

– Контр-адмирал Сорокин, подполковник Тиняков, – кратко представил их друг другу генерал Шаховской.

Затем, развернувшись всем корпусом в сторону «военного медика» и пристально глядя ему в глаза, коротко сказал:

– С этого момента вы, Алексей Васильевич, поступаете в распоряжение контр-адмирала. И сегодня же вылетаете на базу Северного флота в Печенегу.

– С какой целью? – невозмутимо поинтересовался подполковник медицинской службы. – Мои задачи? Это как-то связано с сегодняшним прискорбным... инцидентом?

– Об этом будет сообщено дополнительно. Что касается ваших задач и деталей, связанных с их выполнением, то у вас будет время обсудить их с контр-адмиралом Сорокиным. И лучше всего там, на месте.

Подполковник Тиняков коротко кивнул. Он явно не хотел больше задавать вопросы.

«Что ж, – думал Сорокин, выходя из кабинета, – посмотрим, как мы с тобой сработаемся, Алексей Васильевич. Дело-то нам предстоит чертовски трудное. Приходилось мне с вашим братом, с „аквариумными“, сталкиваться. Чего у вас не отнять, так это что профессионалы вы

крутейшие. Кстати, ты это только что ненавязчиво продемонстрировал: на совещании тебя не было, а об „инциденте“ ты упомянул. Этаким легонький щелчок по носу генерала Шаховского, с которым вы друг друга явно недолюбливаете. Ладушки, у нас на Северном флоте тоже есть свои специалисты по внештатным ситуациям!»

Контр-адмирал, начальник оперативного управления штаба Северного флота Петр Сорокин, уже решил, кого из своей проверенной гвардии он привлечет для решения сложнейшей задачи: разыскать потерянный спутник и утащить его буквально из-под носа у натовских вояк. Причем, по возможности, целым и невредимым.

2

...Никто в Норвегии, под юрисдикцию которой архипелаг Шпицберген попал лишь в 1920 году, так его не называет. Для норвежцев и шведов это – Сваальбард.

Но гордые потомки викингов как-то забывают, что первыми на эту неприветливую землю наткнулись российские поморы и назвали ее – Грумант. Случилось это очень давно, аж в одиннадцатом веке, и в Западной Европе об этом, кстати, было прекрасно известно.

Потом неудобная холодная земля, которая не могла прокормить даже крохотную колонию поселенцев с материка, была благополучно забыта на четыреста с лишним лет и лишь в 1597 году открыта заново прославленным голландским мореплавателем, капитаном Виллемом Баренцем. В честь которого и было названо море, омывающее архипелаг с юго-востока.

А вот с северо-запада омывает Шпицберген Гренландское море, в которое как раз и булькнул сверхсекретный российский военный спутник.

Еще Парижский договор жестко и однозначно обязывал Норвегию ни в коем случае не допускать создания на Шпицбергене военно-морских баз! Не строить никаких укреплений и вообще поддерживать статус строжайшего демилитаризованного нейтралитета. Эта территория, как бы нависающая над всей Северной Европой, никогда и ни при каких обстоятельствах не должна была использоваться в военных целях. В 1977 году свое участие в договоре о статусе архипелага подтвердили сорок государств, в числе которых был и Советский Союз. Тогда же наша страна обзавелась на Шпицбергене консульством.

Именно в силу демилитаризованного статуса станция спутникового мониторинга «Свалсат», расположенная рядом с горой Платоберген, была укомплектована исключительно гражданским персоналом. Хотя то, что эти молодые ребята работают на НАТО, ни для кого секретом не являлось...

Вот и сейчас двое операторов слежения, радостно-удивленно переглянувшись, принялись рассчитывать координаты места, куда свалился российский спутник. То, что ракета-носитель, стартовавшая в Плесецке, отклонилась от плановой траектории, было известно работникам «Свалсата» уже с полчаса: сработала система «Глобус-2». Но чтобы такой подарок... Совсем ведь рядом, похоже!

Итак, требуется рассчитать сферические координаты некоторой точки земной поверхности. Дело привычное и насквозь знакомое, а с таким компьютерным обеспечением, как на «Свалсате», оно и времени занимает совсем немного.

Для начала берется угол между нормалью к геоиду в точке падения спутника и плоскостью земного экватора. Отлично! А теперь еще один угол – между радиусом, проведенным из центра референтного эллипсоида, и его же тангенциальной плоскостью. Вот так... И что же получилось?

Просто замечательно получилось: где-то в 15 морских милях от Платобергена. Плюс-минус полторы мили. Явно на шельфе в районе Ис-фьорда. Шельф или материковая отмель – это, по сути, затопленная часть материка. Мелководная подводная равнина со слабым наклоном, область накопления отложений, сносимых с суши, – галечников, песков, илов, ракушечников. Поэтому рельеф шельфа теснейшим образом связан с рельефом прилегающей суши. И лишь потом начинается материковый склон с его ступенями, поперечными ложбинами и подводными каньонами. А он, в свою очередь, переходит в ложе океана – абиссаль.

Достать что-то с шельфа не в пример легче, чем с материкового склона. А с абиссали и вовсе практически невозможно. Ис-фьорд? Совсем замечательно: классический фьордовый берег, типичный для Норвегии и Шпицбергена, переживших не одно оледенение. Когда-то по этим тектоническим трещинам текли реки, а затем их долины были обработаны ледниками – вот и получились глубоко вдающиеся в гористую сушу длинные извилистые заливы с высокими

и обрывистыми скалистыми берегами. А поскольку рельеф шельфа повторяет рельеф суши, то спутнику деваться некуда: ниже, на материковый склон, где его нипочем не отыщешь, ему хода нет. Застрянет на шельфе как миленький!

Станцией спутникового мониторинга «Свалсат» руководили умные люди, соображали они быстро. Судьба преподнесла Норвегии и ее союзнику США неожиданный подарок. Ясно, что русские с космодрома в Плесецке не чугунную болванку запускали, а что-то современное и, почти наверняка, секретное! Теперь же это «что-то» лежит совсем рядышком на шельфе и дожидается, пока его поднимут.

Надо срочно докладывать начальству, теперь главным становится фактор времени!

3

День выдался солнечный, яркий, но легкий – без жары, которая в августе бывает порой и в Заполярье. Короткое заполярное лето уже перевалило через середину, и, хотя солнце, невысоко стоящее над горизонтом, заливало побережье Кольского полуострова и морскую даль потоками яркого слепящего света, в прозрачном воздухе явственно чувствовался предосенний холодок. Ветра не было, в спокойном, гладком как зеркало море отражалось безоблачное блекло-голубое небо. Вдали, у горизонта, море и небо сливались в одну белесую полосу. Чуть уловимо пахло морской солью, йодом, водорослями.

Погрузка небольшого гидрографического судна была практически завершена. Оставалось лишь самое главное. Высокая стрела портового крана плавно повернулась, и на палубу «Арктира» медленно опустился здоровенный фанерный ящик, в котором спокойно мог бы уместиться микроавтобус.

Содержимое ящика, который надежно принайтовили на юте «Арктира», представляло тайну для всей корабельной команды, кроме капитана и старпома. И немудрено: подводный аппарат, поднятый на борт гидрографического судна, являлся последней секретной разработкой российских оружейников, он еще не пошел в серию, и во всей России существовало только два экспериментальных образца – на Северном и Тихоокеанском флотах.

Это была одноместная скоростная мини-субмарина, устроенная по принципу не столько подводной лодки, сколько «подводного самолета». Два коротких стреловидных крыла в погруженном положении создавали направленную вниз тягу, которая и позволяла мини-субмарине оставаться под водой, не используя балласт. Такое конструкторское решение обеспечивало «подводному самолету» исключительную маневренность, давало возможность практически мгновенно погружаться и всплывать.

Оружейники присвоили своему детищу ласковое неофициальное название – «Нерпа». Она была по-настоящему уникальна: ни один флот мира не мог похвастаться подобным подводным аппаратом. Новейший и тоже засекреченный американский подводный транспортёрщик «Шарк-Снейк» ей и в подметки не годился.

«Нерпа» в погруженном состоянии могла работать в двух режимах. На небольших глубинах капсула, в которой находился пилот «подводного самолета», не герметизировалась, играла роль обтекателя, и пилот мог покинуть ее. В том же случае, когда капсула задривалась герметично, «Нерпа» становилась способна нырнуть на очень солидные километровые глубины. Под водой мини-субмарину обеспечивали энергией два мощных компактных аккумулятора, в надводном положении, когда «Нерпа» выходила на глиссирование, включался обычный двигатель внутреннего сгорания.

Такая многофункциональная одноместная подлодка обещала стать идеальным оружием для подводных спецназовцев! Она могла быть спущена с корабля неподалеку от побережья противника, пройти незамеченной по крупной реке к городу или гидроузлу, к системе шлюзов, например, или плотине ГЭС. Возможен был вариант десантирования «Нерпы» вместе с пилотом в озеро или водохранилище с воздуха, скажем с вертолета.

«Подводный самолет» был основательно вооружен, – «Нерпа» оказалась весьма зубастой зверушкой! Скорострельная авиационная пушка на носу, две миниатюрные, но очень мощные торпеды с лазерным наведением на цель и еще куча полезных приспособлений вроде подводного манипулятора со сменяемыми навесными насадками. Словом, не перевелись еще таланты и умные головы в российском ВПК, – настоящая конфетка у них получилась, мечта боевого пловца-подводника.

Помимо капитана и старшего помощника «Арктира» о содержимом ящика на юте знал еще один человек. Это был старший лейтенант Сергей Павлов, личность на Северном флоте, да

и не только на Северном, прославленная. Павлов являлся командиром особого отряда элитного подводного спецназа Северного флота. Отряд комплектовался исключительно мичманами и офицерами, прошедшими длительную и очень непростую специальную подготовку, и подчинялся напрямую командованию флота. И хоть спецназовцы были североморцами, задачи им приходилось решать в водах всех четырех океанов планеты. Сложные задачи, головоломные, порой, казалось, неразрешимые.

У России как были, так и остались собственные стратегические геополитические интересы. И для их обеспечения постоянно ведется кропотливая, тщательно скрываемая от недобрых глаз наших западных и прочих «друзей» работа. Политики могут говорить что угодно, курскими соловьями заливаясь о вдруг наступившей эпохе всеобщего миролюбия и согласия, но люди военные хорошо знают: никуда противостояние не делось, продолжается на всех уровнях.

Настоящий политик должен обладать двумя способностями: во-первых, уметь предсказать, что произойдет через неделю, месяц, год, а во-вторых, столь же убедительно объяснить потом, почему пророчество не сбылось.

В пророчествах, дескать, после краха коммунистического режима Североатлантический пакт никакой опасности для России представлять не станет, недостатка не было. И что же? Тихонько, под сурдинку, сеть натовских военных и шпионских баз все расширяется и расширяется, приближаясь непосредственно к российским рубежам. Дело уже дошло до того, что границы НАТО вплотную приблизились к Ленинградской области. В такой ситуации порох нужно держать сухим! Наша страна просто не может позволить себе роскоши ослабеть в военном отношении, а значит, отряды, подобные возглавляемому Сергеем Павловым, долго еще будут обеспечены работой по самую крышу. Российский флот призван адекватно реагировать на все, что как-то задевает интересы страны, в каком бы отдаленном уголке планеты это «все» ни происходило!

Подводные спецназовцы Павлова ни разу не посрамили честь североморцев, справляясь даже с самыми сложными, почти невыполнимыми заданиями командования. Это были настоящие «морские дьяволы», люди отчаянной храбрости, упорные и удачливые, для которых, казалось, не существовало невозможного. И первым среди своих товарищей всегда оставался их командир – старший лейтенант Сергей Павлов. Он был настоящим, прирожденным лидером, самым опытным и умелым, чего бы ни касалось дело: владения приемами рукопашного боя, рекордных сверхглубоких погружений, знания сложной подводной техники и аппаратуры. Сергей в свое время окончил прославленное Высшее военно-морское училище имени Фрунзе, а в этом элитном учебном заведении, помнящем традиции адмиралов Кузнецова и Касатова, учили на совесть! Да и преподавательский состав был особенный, достаточно сказать, что одним из наставников Сергея был офицер-подводник, когда-то плававший в команде легендарного Александра Маринеско!

Павлова отличал редкостный сплав отчаянной храбрости и вдумчивой мудрой осторожности. Он как никто разбирался в тактике действий боевых пловцов, в специфике подводного спецназа и у своих подчиненных пользовался непререкаемым авторитетом и огромным уважением. Да и вообще, не было на Северном флоте человека, который бы не знал, кто такой Сергей Павлов. В матросских кубриках, в кают-компаниях о нем и его парнях рассказывали настоящие легенды. За веселый и добрый нрав, за мужество и удачливость Павлов получил у североморцев прозвище Полундра, правда, привилегией называть его так пользовались только близкие друзья.

Сергей обладал редкой и чрезвычайно ценной способностью мгновенно реагировать на самые непредвиденные, порой маловероятные события, его нельзя было застать врасплох. При этом он, не забывая учитывать прежний опыт, мог пойти оригинальным, нетрадиционным путем, по ходу дела менять способ действий. Там, на глубине, когда каждая секунда на вес

золота, это часто выручало его, давало дополнительные преимущества, а его противников ставило в тупик.

Сергею совсем недавно исполнилось тридцать лет, однако он уже успел поучаствовать в таком количестве сложнейших «акций» общефлотского уровня, что даже контр-адмирал Петр Николаевич Сорокин, очень симпатизировавший спецназовцу, только изумленно головой покачивал. Такой молодой еще, а сколько успел! По общему негласному мнению, Полундра давно перерос звание старшего лейтенанта, но... Непросто складывались у Сергея Павлова отношения с начальством, был он честен, принципиален и мнения своего никогда в карман не прятал, а открыто высказывал в лицо кому угодно, невзирая на чины и ранги. Кроме того, зачастую Полундра, исполняя приказ, следовал его духу, а не букве, не боялся проявлять самую широкую инициативу, брать ответственность на себя. И хотя такое его поведение неизменно оказывалось на пользу делу, подобная самостоятельность не слишком-то нравилась иным деятелям с большими звездами на погонах. Да и самая обычная зависть, наверное, сказывалась: уж слишком большой популярностью пользовался спецназовец среди североморцев. Увы, далеко не все в командовании флота обладали умом и порядочностью Петра Николаевича Сорокина.

Именно Сергею Павлову командование Северного флота поручило провести комплексные испытания мини-субмарины. Занимаясь этим сложным, но безумно интересным делом последние несколько месяцев, Полундра буквально сроднился с «Нерпой», стал воспринимать ее как живое существо, умное и послушное. Павлов обкатывал «подводный самолет» в разных режимах и в холодном Баренцевом море, и в пресных водах Байкала; результаты оказались впечатляющими: «Нерпа» не подвела своего пилота ни в чем и ни разу. И вот новый поход...

Пока погрузка «Арктика» близилась к завершению, Сергей на дальнем конце глубоко вдающегося в бухту пирса попрощался со своей семьей – женой и восьмилетним сынишкой.

Наталья, высокая стройная молодая женщина с золотисто-янтарными волосами и громадными серыми глазами, прижалась щекой к груди мужа. Андрюшка весело скакал вокруг родителей на одной ножке, распевая что-то очень воинственное и размахивая пластмассовой саблей. Все давно уже было сказано дома, да и служба Полундры приучила их к частым расставаниям, но это была своего рода традиция: если представлялась такая возможность, то Наталья с Андрюшей всегда провожали Сергея «до трапа». А люди опасных профессий, такие как Полундра, к традициям, приметам и обычаям относятся с очень большим уважением.

Женщина немного отодвинулась, подняла на мужа спокойные, чуть грустные глаза.

– Иди, Сереженька. Там тебя заждались, на «Арктике». Я же вижу, – она вздохнула, – что мыслями ты уже в море. Прошу тебя, не рискуй без надобности, помни обо мне и Андрюшке. Береги себя, ладно?

– Малыш, милый, ну что со мной может случиться? – Полундра улыбнулся, коснулся губами виска жены. – Ты же знаешь, такие орлы, как твой муж, в огне не горят и в воде не тонут! Все будет в порядке, вот увидишь! Не хворайте тут без меня, не скучайте уж очень сильно и ждите. Ты ведь так хорошо умеешь ждать!

– Научилась, – бледно улыбнулась в ответ Наталья и крепко поцеловала мужа. – Ну, семь тебе футов под килем!

Сергей наклонился к сыну, потрепал его светлые волосенки:

– До встречи, Андрюха! Кто без меня остается за мужчину в доме, а? Вот то-то! Чтобы и вел себя соответственно, я на тебя надеюсь.

И, уже поднимаясь по сходням на борт «Арктика», он услышал тоненький детский голосок:

– Счастливого тебе плаванья, папка! Не забывай нас с мамой и возвращайся к нам поскорее! Мы тебя очень-очень любим и ждем!

Мерно заурчали мощные дизеля «Арктика», за кормой вскипел бурун белой пены, и гидрографическое судно с «Нерпой» на борту, плавно отвалив от причального пирса, взяло курс в

открытое море. Две прощально машущие руками фигурки, женская и детская, становились все меньше и меньше, пока окончательно не растворились в слепящем солнечном сиянии полярного дня.

Павлов поднялся в ходовую рубку, где его уже дожидались два его добрых старых знакомых и друга – капитан судна и старший помощник. Три этих человека прекрасно знали друг друга, пользовались абсолютным взаимным доверием и сейчас хотели посоветоваться. Дело в том, что конкретной задачи они пока не получили, это настораживало.

– Как думаешь, Василий Капитонович, – обратился Павлов к капитану «Арктура», высокому стройному моряку средних лет с живыми умными глазами, – с чего бы такая пожарная спешка? В стиле «хватай мешки, вокзал отходит!». Ну, выпихнули нас в открытое море, а дальше-то что?

– Знаешь, Полундра, сам ума не приложу, – отозвался тот. – Конкретной задачи, как ни странно, не поставлено. Но предложенный курс таков, что судно идет точнехонько в зону действия натовских кораблей. А это, в сочетании с присутствием на борту «Нерпы» и твоей скромной персоны, наводит на вполне определенные размышления.

– Капитоныч имеет в виду то, – добродушно рассмеялся старпом, симпатичный широкоплечий блондин, ровесник Полундры, – что действовать нам, очень возможно, придется без оглядки на Морской кодекс и прочие межгосударственные юридические документы. Проще говоря, ты на пару с «Нерпой» будешь окаянствовать под водой, а мы, как водится, прикрывать твою задницу. Нам не привыкать.

– Вот и мне что-то такое мерещится, – задумчиво произнес Павлов. – Ладушки, будем ждать. Вряд ли любимое начальство надолго оставит нас без своего попечения. Пойду в каюту, отдохну немного. Но ты, Василий Капитонович, как что прояснится, сразу вызывай меня. А то не по себе как-то, когда конкретной задачи не поставлено. Непривычно...

4

Меж тем полученная станцией слежения «Свалсат» информация о российском спутнике, затонувшем на шельфе Гренландского моря, оперативно ушла в Брюссель, в штаб-квартиру НАТО. Это и понятно: персонал норвежской станции, как уже было отмечено, согласно демилитаризованному статусу архипелага Шпицберген, исключительно штатский, военных там нет. Поэтому самостоятельно проводить какие-либо оперативные мероприятия норвежцы не могут, да и не хотят. Установили факт падения, определили координаты, а дальше пускай большое натовское начальство разбирается и решения принимает.

В Брюсселе, что называется, забегали! Там тоже сидели далеко не дураки, там быстро поняли, как им повезло. Давненько таких подарков не перепадало. Поэтому решение было принято немедленно и на самом высоком уровне.

Эксперты Североатлантического пакта ни на секунду не сомневались: Россия так просто с потерей спутника не смирится. Наверняка будет предпринята попытка вернуть его, достать с морского дна. Значит, надо русских во что бы то ни стало опередить! Не особенно при этом стесняясь в средствах. Результатом этого нехитрого умозаключения стал срочный приказ, поступивший из брюссельской штаб-квартиры в Рейкьявик, являющийся не только столицей Исландии, еще одного партнера США по пакту, но и одним из крупнейших на севере центров базирования подводного флота НАТО.

...От длинного бетонного пирса отошла, пофыркивая двигателями, в надводном положении американская дизельная тактическая подлодка. Ее вытянутое веретеновидное тело серо-стального цвета плавно разрезало темную воду рейкьявикского залива; острый нос субмарины смотрел в открытое море. Брызги, срываемые встречным легким ветерком с гребней раздвигаемых подлодкой встречных волн, падали на правое крыло ходового мостика, расположенного низко, у самой воды.

На мостике стояли двое. Одним из них был капитан американской субмарины, военный моряк в третьем поколении Ричард Мертон. Форма американских подводников как-то очень шла этому подвижному сухощавому мужчине сорока с небольшим лет, подчеркивала его безукоризненную выправку и юношескую стройность ладной жилистой фигуры. С чисто выбритого загорелого лица капитана внимательно и спокойно смотрели глубоко посаженные серые глаза. Мертон был красив неброской мужской красотой, что было особенно хорошо заметно, когда он улыбался, широко и открыто. Но сейчас выражение капитанского лица было неуловимо недовольным, словно бы выход в море на сей раз чем-то тревожил его.

Рядом с Мертоном, небрежно опираясь на леерное ограждение ходового мостика, стоял в расслабленной позе молодежавый брюнет с бледным, несколько заостренным, словно мордочка у хорька, лицом. Да и вообще что-то во внешнем облике второго мужчины напоминало этого мелкого хищника. Одет он был в простенькие синие джинсики и неброскую полуспортивную курточку и в сравнении с Ричардом Мертоном выглядел на редкость убого-цивильно, совершенно по-штатски, так что невольно возникал вопрос: а что этот шпак делает на ходовом мостике боевой подводной лодки?

Однако из них двоих именно этот невзрачный тип, которого Мертону представили как Роберта Хардера, офицера одной правительственной... организации, был на текущий момент главным. Именно это портило капитану настроение, угнетало его. Привыкнув быть на своей подлодке «первым после бога», он с некоторым внутренним раздражением воспринимал этого, навязанного ему прямым приказом непосредственного начальства, «офицера».

«Да и что за звание такое, господи прости, „офицер“, – уныло размышлял Мертон, глядя прямо вперед, по ходу движения субмарины, – а уж что касается той самой организации, где он служит, то тут у меня сомнений никаких нет. Как этих спасителей отечества из Лэнгли ни

маскируй, как ни перекрашивай, а шпионские ушки все едино торчат. Ох, не люблю я их брата! Как бы хорошо было договориться с русскими, китайцами, словом, со всеми странами, да и утопить в одночасье всех этих суперагентов к чертовой бабушке, и наших, и их! Право слово, воздух бы чище стал и дышать легче!»

Давно замечено, что настоящие боевые офицеры любой армии мира к работникам ведомства «плаща и кинжала» относятся с брезгливой настороженностью, хотя бы и к своим. И во все времена так было начиная с осады Трои! Так что капитан-подводник Ричард Мертон тут исключением вовсе не являлся... Видимо, какой-то отзвук этих мыслей мелькнул-таки на его лице, потому что его сосед по мостику вдруг широко улыбнулся, похлопал Мертона по плечу и спросил нарочито бодрым тоном:

– Что это вы загрустили, Дик? Кстати, вы не будете возражать, если я именно так стану обращаться к вам? А то Ричард слишком длинно и официально. Вы, в свою очередь, можете называть меня Бобом. Согласны?

– Согласен... Боб, – кисло отозвался Мертон, решив, что обострять отношения с этой цэрэушной лисой в самом начале похода все же не стоит. – Что до моего настроения, то я ведь до сих пор не поставлен в известность о цели похода. Знаю только, что мы держим курс на Шпицберген. Вы бы прояснили мне ситуацию...

– Всему свое время, Дик! Вот когда оно настанет, обязательно проясню, – Хардер снова ободряюще улыбнулся, даже подмигнул Мертону. – Не забывайте, что командование возложило оперативное руководство на вашего покорного слугу. Ваше дело пока именно что держать курс на Шпицберген. Вот подойдем поближе к архипелагу, тогда и соберем небольшое оперативное совещание.

Капитан недовольно нахмурился и проворчал:

– То-то и оно, что как бы нам это «поближе» не вышло боком! К вашему сведению, Боб, Шпицберген – демилитаризованная зона для всех без исключения государств. Беспрепятственно сюда могут заходить лишь норвежские боевые корабли. Все остальные только с разрешения норвежцев. Наши в том числе. А моя подлодка именно боевой корабль, а не прогулочная яхта. И официального разрешения я не получал. Можем влипнуть в неприятную политическую ситуацию.

– Ну, с политической стороной проблемы я как-нибудь разберусь, если вообще будет с чем разбираться. Вы же не собираетесь, я надеюсь, весь путь до Шпицбергена идти в надводном положении? Нет, через некоторое время нам придется нырнуть... Совершенно незачем, чтобы все кому не лень могли проследить наш курс. Так что давайте, Дик, вволю надышимся свежим морским воздухом, регенерированный нам еще до тошноты опротиветь успеет.

Капитан Ричард Мертон недовольно засопел. Пусть этот «офицер» так и не сказал ему ничего конкретного о поставленной задаче, но у него и своя голова на плечах имеется, а думать ею и делать определенные выводы ему никакое ЦРУ не запретит!

– На подлодке, – с раздражением сказал он, – помимо моего экипажа, людей, с которыми я плаваю не первый год, еще десять человек военнотружеников. Я достаточно опытен, чтобы с ходу определить, кто они такие. Это боевые пловцы, элитный подводный спецназ, знаменитые «морские котикки». Значит, надо так понимать, нам предстоит силовая акция?

– А хотя бы и так, – с напускным равнодушием отозвался Хардер. – Вас это смущает? С чего бы вдруг?

– Да с того, – продолжил Мертон, – что в том районе, куда мы направляемся, хлестаться можно только с русскими, больше там никого нет. Не просто же так мы взяли на борт десятку «морских котиков»?

– Н-да... Недаром мое начальство отзывалось о вас, Дик, как о весьма умном человеке. Допустим, что вы правы в своих предположениях. И что?

– Но ведь мы с русскими вроде бы перестали враждовать! Напротив: дружба, совместная борьба с международным терроризмом и все такое...

– Ах, вот вы о чем, – весело рассмеялся Хардер. – Послушайте совет более опытного в таких вопросах человека: не обращайтесь внимания на квохтанье политиков из Госдепа относительно пылкой любви, которую мы с некоторых пор испытываем к русским, а они, соответственно, к нам. Беззаветная и безоглядная любовь куда как хороша в романах, иногда в постели, но в серьезной политике, равно как и в бизнесе, ее применение требует большой осторожности. По большому счету ничего в наших с ними взаимоотношениях не изменилось и в обозримом будущем навряд ли изменится! Просто русские стали слабее. И наша задача сделать так, чтобы они с каждым годом становились еще слабее!

Он на минуту замолчал, рассеянно глядя на плескавшую о борт подлодки морскую волну, а затем добавил, смягчая жесткость тона широкой и белозубой, истинно голливудской улыбкой:

– Самое же главное заключается в том, капитан, что мы с вами отнюдь не политики, а военные. И посему должны беспрекословно выполнять приказы, даже если что-то в их содержании нам не слишком по нутру. Не так ли?!

«Это я военный, – хотелось закончить Ричарду Мертону, – а ты... Морской черт разве разберет, кто ты такой!»

Однако капитан Мертон угрюмо промолчал. Настроение у него испортилось окончательно. Было в этой завершающей добродушной улыбке Хардера что-то такое, что насторожило Ричарда больше, чем весь предыдущий разговор.

Еще пару часов американская субмарина шла в надводном положении, пользуясь тем, что стоял полный штиль и море было спокойно. Но вот дважды коротко рявкнул ревун, и команда подлодки стала готовить ее к погружению.

Приняв в балластные цистерны стылую забортную воду, субмарина медленно, словно бы нехотя, провалилась в морскую пучину. На глубине в полторы сотни метров ее плавучесть стала нейтральной. Поправив легкий дифферент на корму, Ричард Мертон взглянул на показания гирокомпаса. Курс его подводного корабля оставался прежним, нос подлодки смотрел строго в направлении архипелага Шпицберген. Но теперь заметить субмарину с поверхности стало практически невозможно. До расчетной точки, координаты которой сообщил капитану Роберт Хардер, оставалось около двенадцати часов хода.

«И что там, в этой самой точке? – спросил себя Мертон. – Не пора ли Хардеру наконец-то открыть обещанное оперативное совещание? Терпеть не могу, когда у меня нет четко поставленной задачи! Непривычно как-то, неудобно...»

Вот бы удивился американский капитан, если бы каким-то чудом узнал, что почти дословно повторил про себя слова русского моряка Сергея Павлова, сказанные тем десять часов тому назад!

5

Что формой, что размерами одноместная каюта Полундры больше всего напоминала обычное железнодорожное купе. Обстановка – более чем спартанская: узенькая шконка, прочно привинченный к полу столик в ее изголовье, простенький умывальник у двери и иллюминатор напротив. Ясное дело: гидрографическое судно «Арктур» – это вам не лайнер «Куин Элизабет», а роскошь военному моряку противопоказана.

Сейчас круглый лючок иллюминатора был широко открыт, по каюте гулял прохладный влажный ветерок.

Сергей с наслаждением вдохнул просоленный морской воздух и ощутил радостное чувство слияния с могучей водной стихией. Как и всегда первые часы похода слегка пьянили Полундру: он очень любил море!

«Солдат спит, а служба идет», – усмехнулся Павлов, укладываясь поудобнее на шконку. Как многие опытные военные, Полундра умел засыпать «по заказу» и отсыпаться впрок. Это очень полезное умение: когда начинается настоящая боевая запарка, часто бывает не до отдыха. Он вспомнил свои недавние приключения на озере Байкал, когда Сорокин поручил ему довести до конца испытание «Нерпы». Тогда ситуация сложилась так, что ему пришлось вкалывать как проклятому двое суток подряд, практически без отдыха, глаз даже на четверть часа не сомкнув. Ничего, выдержал, вернулся с победой, но какого адского напряжения сил ему это стоило!

А сейчас, чем дергать себе нервы, пытаюсь догадаться, куда и зачем послало его на этот раз многомудрое начальство, правильнее будет поспать час-другой. Как знать, потом, может, и не получится: какое-то предчувствие – а Павлов привык доверять своим предчувствиям! – подсказывало ему, что поход выдастся нелегким. Как бы не посложнее «байкальских гастролей»...

«Арктур» шел средним ходом, делая около пятнадцати узлов. Несильная, но довольно крутая зыбь – дыхание океана – плавно покачивала корабль, и эта привычная, даже приятная килевая качка быстро убаюкала Сергея. Ему даже сон приснился, правда, какой-то странный. Будто он вместе с Андрюшкой ловит на берегу североморской бухты толстую рыжую кошку, которая нахально сперла у сынишки его игрушечную саблю и таскает пластмассовое оружие в зубах. А кошка вдруг, саблю из пасти не выпуская, ехидно им ухмыляется и ныряет в воды залива! И только что Полундра твердо решил догонять вороватое животное на «Нерпе», как в каюте раздался характерный скрипучий звук принудительной внутрикорабельной трансляции. Пришлось срочно просыпаться, так вредную кошку и не поймав...

– Сергей, ты просил держать тебя в курсе, – раздался из динамика под потолком жестяной голос капитана, – поднимись в радиорубку.

Оказывается, десять минут назад радист «Арктура» принял кодированную радиограмму. Использованный код указывал на отправителя – штаб Северного флота. Содержание радиограммы вызывало некоторое удивление.

«Арктуру» предписывалось резко изменить курс и идти на Печенегу, однако в акваторию базы не входить, а лечь в дрейф в сорока кабельтовых от берега. В точке с указанными координатами. На этом радиограмма кончалась, ни о цели дрейфа, ни о его возможной продолжительности в ней не было сказано ни словечка.

– Ну, почему предлагается дрейфовать, а не вульгарно отдать якоря, это мне понятно, – задумчиво сказал капитан, обращаясь к Полундре. – Там глубины за километр, около Печенеги. Но с какой бы стати такие сложности? Создается впечатление, что мы от кого-то прячемся на траверзе своей же военно-морской базы!

– Вот-вот, – поддержал своего «мастера» старпом. – Это напоминает классический выход в точку рандеву, только совершенно неясно с кем. И почему «Арктур» не может попросту зайти в бухту и ошвартоваться у первого попавшегося пирса?

– Да-а, – согласился Павлов, – сюрреализм некий просматривается: рандеву в собственных территориальных водах! У меня, друзья, есть только одно объяснение: затевается что-то настолько секретное, что даже в Печенеге никто не должен знать об «Арктуре». Поэтому нам нельзя заходить на базу. Перестраховывается начальство. И текст радиogramмы такой невнятный по той же причине. Своего рода военная хитрость.

– Очень похоже на то, – поморщился Василий Капитонович. – Так и придется болтаться рядышком с Печенегой, как... известно, что в проруби болтается! Кого или чего мы должны там дожидаться, как мыслишь, Полундра?

– Наверняка рандеву. Каким-нибудь хитрым способом забросят к нам на борт представителя штаба флота, он и внесет ясность, объяснит нам, серым, что к чему.

Старпом иронически хмыкнул:

– Быть слишком уж хитрым неразумно: всегда существует опасность перехитрить самого себя.

...На траверз Печенег вышли за два часа форсированного хода, но выяснилось, что торопиться не стоило: море было пустынно, никто их не ждал. Значит, придется ждать самим. «Арктур» лег в дрейф, лениво подрабатывая «самым малым», чтобы удерживаться в точке с указанными координатами. Потянулись часы томительного ожидания неизвестно чего.

Жемчужно-серое сияние полярного полдня постепенно стало перетекать в матовые светло-лиловые сумерки, которые здесь, в высоких широтах, не могут в это время года сгуститься до настоящей темноты.

Через четыре часа после прихода «Арктура» в точку рандеву со стороны близкого, но на таком расстоянии невидимого берега, со стороны Печенег послышалось тонкое, похожее на комариное, жужжание. На небольшой высоте курсом прямо на «Арктур» подлетал «Ми-14т», на летном жаргоне – «мошка». Маленький изящный вертолетик с опознавательными знаками ВВС Северного флота. Такие машины никогда не несли вооружения, поднимали не более тонны полезного груза, но зато отличались изумительной верткостью, маневренностью и приличной скоростью. По своему назначению это была типично штабная модель. Забавно, что аналогичная машина у американцев и называется похоже – «москит».

Лопасті несущего винта малютки сливались в туманный диск, весело отсверкивающий в лучах низкого заполярного солнца. Вертолетик заложил вираж и завис точно над палубой гидрографического судна, метрах в пяти.

Пилотирует «мошку» один человек, и еще четырех вертолетик может взять пассажирами. Но на этот раз пассажир был только один. Из распахнутой дверцы кабины выпала короткая веревочная лестница, по которой на палубу «Арктура» начал довольно ловко спускаться мужчина в камуфляжке без знаков различия. Воздушный поток, отбрасываемый вертолетным винтом, трепал его светлые волосы. Секунду повисев на последней перекладине, он ловко прыгнул вниз, на палубу, как раз между встречающимися «дорогого гостя» капитаном и Полундрой. Убедившись, что пассажир прибыл к месту назначения целым и невредимым, пилот «мошки» втянул лесенку и, уйдя резко вверх, положил машину на обратный курс. Все произошло очень быстро: с момента появления вертолета до того, как крохотная точка растаяла где-то у горизонта, не прошло и десяти минут. Да, какими бы тайными соображениями ни руководствовались командование, устраивая столь нетривиальное рандеву, исполнение было образцовым. Представлялось крайне маловероятным, чтобы кто-то мог засечь столь краткий контакт гидрографического судна и вертолета. А значит, и то, что экипаж «Арктура» увеличился на одного человека, останется известно лишь тому, кто этого человека послал, да пилоту штабной «мошки».

– Подполковник Тиняков, – кратко представился прибывший. – Вы капитан этого судна? Превосходно. Вот мои документы, вот – командировочное предписание. А в этом пакете – приказ штаба Северного флота. Оперативное руководство возложено на меня. Можете убедиться, что в приказе это отмечено особо. Времени у нас немного, поэтому вы, капитан, вы, старпом, и старший лейтенант Павлов – это вы, не так ли? – пройдите в ходовую рубку. Сейчас мы вчетвером проведем небольшое оперативное совещание, на котором я разъясню вам сущность поставленной задачи.

...Слушали Тинякова внимательно, не перебивая. Говорил он недолго, не более четверти часа, короткими, точными фразами.

– Таким образом, – закончил подполковник, – наша цель: обнаружить затонувший спутник, изъять бортовой компьютер и несколько печатных схем блока управления. Если это окажется невозможным, то уничтожить его со всей начинкой. Но ни в коем случае не допустить, чтобы спутник попал в чужие руки. Объясняю, чтобы не было недоговорок: по заложенной в бортовой компьютер программе – а защиту они взломают рано или поздно! – американцы без труда догадаются о предназначении этой аппаратуры. Мало того, они смогут это предметно доказать кому угодно. И тогда мы поймем грандиозный скандал, ибо в рамках официальной военной политики и новой оборонной доктрины Россия за Штатами не следит. Что до плат, которые хорошо бы вытащить, то при их производстве использовались новейшие технологии, которых у натовцев пока нет. А теперь я хотел бы выслушать ваши конкретные предложения, как, по вашему мнению, нам возможно быстрее и эффективнее решить поставленную задачу.

– Прежде чем конкретные предложения высказывать, – осторожно заметил Полундра, – неплохо бы более четко представить себе условия задачи. С какой точностью вы можете указать нам на карте место, где затонул спутник? Как вы говорите, круг радиусом в пятнадцать морских миль? Однако...

Павлов с минуту сосредоточенно молчал, затем переглянулся с капитаном «Арктика» Василием Капитоновичем Мезенцевым. Тот едва заметно кивнул, пожал плечами.

– Тогда против нас такая точная наука, как геометрия, – с сожалением в голосе сказал Полундра. – Площадь круга, знаете ли... Пи Эр квадрат. Это значит, что мне на «Нерпе» придется обшарить площадь порядка двух тысяч квадратных километров. Заметьте – под водой, на вполне приличных глубинах! Это даже не иголку в стоге сена искать. Это много хуже.

Старпом, сидящий рядом с капитаном, понимающе кивнул и добавил:

– То есть шансов у нас – хрен да маленько. И то только в том случае, если интересующий нас объект застрял в складках шельфа. А если он ушел на материковый склон или, спаси господь, еще глубже, то их нет вообще.

– Что за пораженческие настроения?! – возмутился Тиняков. – Вы офицеры или кто?! Шансов у них, видите ли, нет! Зато есть приказ Родины, который...

– Мы обязаны исполнить, – закончил фразу Полундра, причем тон его был весьма ироничным. – Только давайте обойдемся без политинформаций.

Бывает, что между людьми сразу вспыхивает безотчетная и необъяснимая никакими рациональными резонами симпатия. А бывает наоборот. Ничего тебе человек плохого сделать не успел, а уже глаза б на него не глядели. Прямо как у кошки с собакой! Тут был именно такой случай: подполковник Тиняков сразу и резко пришелся не по душе Сергею Павлову. Хотя, может быть, здесь сказалась застарелая неприязнь боевого моряка-спецназовца Полундры к деятелям из определенных контор. Сергей носил армейскую форму далеко не первый год, его опыта хватало, чтобы мгновенно понять, по какому ведомству служит подполковник. Да и для Мезенцева со старпомом это вряд ли оставалось загадкой...

– Вы лучше вот что скажите, – после недолгого молчания обратился к Тинякову Полундра, – янкесам уже известно об инциденте со спутником?

– Ну-у... Скорее всего – да. Хотя с полной уверенностью...

– Значит, известно. И я почти на сто процентов уверен, – грустно усмехнулся Павлов, – что они знают координаты точки падения с точностью до мили.

– С чего вы это взяли?! – с наигранным возмущением вскинулся Тиняков. – Опять поражение какое-то! Что, хотите сказать, западная техника лучше нашей?!

– Ага, – невозмутимо откликнулся Полундра. – Именно это и хочу сказать. Далеко не всегда она у натовцев лучше, вот хоть «Нерпу» взять, но в данном конкретном случае, увы... Я ведь про систему «Глобус-2» не хуже вас знаю! Да не делайте вы круглые глаза, что у меня, что у Василия Капитоновича со старпомом все нужные допуски имеются. Что, не ожидали? Это вас плохо информировали: мы про такое просто по долгу службы знать обязаны.

– Ну и что же вы все-таки предлагаете? – раздраженно спросил подполковник, обращаясь ко всем троем. – Заранее руки опустить? Или наоборот, поднять их вверх перед американцами?

– Зачем же вы так, подполковник, – мягко возразил капитан «Арктура». – Приказы не обсуждаются. Держим курс на Шпицберген. В район предполагаемого местонахождения нашей пропажи.

Потом, получасом позже, проводив Тинякова в отведенную ему каюту и дав вахтенному распоряжения о смене курса, капитан подошел к стоящему на баке Полундре:

– Да-а, Сергей... Преподнесло нам командование подарочек! А все же, как приказ выполнять будем?

– Честно? Только на везение надеюсь, на случай счастливый, – невесело отозвался Павлов. – Сколько раз он меня выручал! Да еще на интуицию свою. У меня, Капитоныч, под водой как будто шестое чувство какое включается. Словно верхнее чутье у охотничьей собаки, ей-богу! Лишь бы этот деятель не мешал ценными указаниями. Надеюсь, что и ты сверху нам с «Нерпой» поможешь. Оборудование на «Арктуре» очень неплохое: эхолотом пошарим, магнитометр опять же использовать можно... Походишь длинными галсами в районе поиска, может, и наткнешься, чем морской черт не шутит! Поднять-то не проблема, найти бы вот только.

– Походить-то я похожу, – кивнул Мезенцев, – но уж больно объект маленький! Нет, Полундра, не строй иллюзий – тут одна надежда на прямой подводный поиск. На тебя с «Нерпой», одним словом.

Полундра чуть покривил душой, не раскрыв перед капитаном «Арктура» всех своих соображений. У него мелькнула мысль, что задачу можно попытаться решить с другого конца, нестандартно. Не стоит искать утонувший спутник, пусть его американцы ищут, раз уж у них наверняка координаты точнее! Они же вцепятся в такую возможность, как репей в собачий хвост. Вот и прекрасно! Просто надо выйти на их поисковый отряд, что вполне посильно, и потом втихаря следить за ними. Учитывая возможности «Нерпы», тоже не ахти как сложно. Если не отыщут, значит, ушел спутник в абиссаль, и шут бы тогда с ним. Пусть лежит там до скончания времен или пока не проржавеет вконец. Можно потом для очистки совести пройтись по их следам, чтобы убедиться. А вот если найдут... Тут возможны всякие варианты, в том числе и силовые. Скорее всего, как раз силовые. Найти-то они найдут, а вот поднять и в потрохах вволю покопаться мы им фигурки дадим! При необходимости и обидеть не постесняемся.

Но эту идею он пока решил придержать про себя. Не лезть, что называется, поперед батьки в пекло.

6

Принято считать, что политика определяет экономику. Обычно дело именно так и обстоит. Но изредка случается и наоборот. Тогда на свет появляются весьма причудливые хозяйственные структуры, способные довести до острого психоза любого правоверного экономиста. Ярким примером такого экономического недоразумения мог служить российский государственный трест «Арктикоуголь», расположенный на побережье Западного Шпицбергена.

Сложенный третичными рифейскими известняками, Западный Шпицберген буквально прослоен насквозь мощными пластами высококачественного коксующегося угля. Обнаружили это почти сразу после повторного открытия архипелага капитаном Баренцем. А с середины восемнадцатого века стали этот уголь потихонечку добывать. Многие страны руку приложили, почти вся Северная Европа, да и британцы не отставали. Понятно, что добычу первое время вели хищнически, снимая сливки: разрабатывали лишь неглубокие пласты хорошей мощности и с малым углом падения, почти горизонтальные. К началу прошлого века все сливки благополучно слизнули, и хоть уголька в недрах этой холодной земли оставалось еще немало, добывать его стало не в пример тяжелее.

А теперь начинается политика. Парижский договор безоговорочно устанавливает суверенитет Норвегии над Шпицбергенем, но при этом позволяет остальным странам заниматься рыболовством в территориальных водах архипелага и дает возможность вести хозяйственную деятельность на его суше. Причем вести такую деятельность – единственная возможность сохранять стратегическое присутствие на архипелаге. А без такого присутствия никак нельзя, потому что Шпицберген буквально нависает над Северной Европой, и России позарез необходимо, по крайней мере, знать, что там, на островах архипелага, делается!

Вот и пришлось Советскому Союзу в тридцатых годах прошлого столетия купить у Норвегии несколько участков земли на побережье Западного Шпицбергена с тем, чтобы заложить там угольные шахты. Сейчас из трех этих шахт в рабочем состоянии оставалась лишь одна – «Баренцбург», «Пирамиду» к началу нашего века выработали до нуля, а «Груммант» законсервировали.

Со шпицбергенским угольком – впрямь отменного качества! – получилось в точном соответствии с поговоркой «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз...» Сейчас, когда и в Центральной России шахты закрываются одна за другой, говорить о рентабельности добычи угля на архипелаге просто смешно. Удовольствие это весьма дорогое, и никакой экономической целесообразности в такой, с позволения сказать, хозяйственной деятельности днем с фонарем не сыщешь. Но стоит ее прекратить, как нас тут же со Шпицбергена попрут, а это крайне нежелательно. Приходится уголь все же добывать, хотя влетает это занятие нашей стране в немалую копеечку.

И это бы еще ладно! Беда в том, что запасы «Баренцбурга» истощены и через несколько лет добывать будет попросту нечего. Можно было бы расконсервировать «Груммант», но на это не хватает денег. Так что будущее российского поселка Баренцбург, где расположено управление треста «Арктуголь», вряд ли будет радужным. Дальнейшее российское присутствие на архипелаге вызывает серьезные сомнения...

Но то когда еще будет, а пока поселок на берегу Ис-фьорда если не процветает, то и не бедствует. Живут в нем около тысячи наших соотечественников, половина – шахтеры, другая – всякого рода обслуживающий их персонал, от управляющего трестом до дворника.

Все в поселке как у людей: административный корпус треста, автобаза с заправочной станцией, симпатичные щитовые коттеджики финского производства, гаражи, хозяйственные пристройки... Даже кафе с ласковым названием «Белочка» имеется. Классическая одноэтаж-

ная «стекляшка», как где-нибудь в Урюпинске. Местный культурно-развлекательный центр и форпост цивилизации.

Правда, некоторые несознательные жители Баренцбурга утверждают, что название свое заведение получило не в честь милого пушного зверька, а скорее по ассоциации с белой горячкой... Есть основания так считать, чего уж греха таить!

Можно с уверенностью предположить, что как только на Луне, Марсе, Венере или вообще в другой галактике появится поселок российских рабочих, то одним из первых строений этого внеземного поселка станет бессмертная и неизменная «Белочка». И чтобы расписочно и навечно с открытия до закрытия!

От своих близняшек где-нибудь в Центральной России баренцбургская забегаловка выгодно отличалась тем, что всю провизию и напитки поставляли по контракту норвежцы. Так что хоть и воровал персонал «Белочки» от шеф-повара до посудомойщицы с истинно российским размахом, а все же ассортимент и качество были получше, чем на далекой родине. Как раз сегодня гордые потомки викингов из расположенного неподалеку городка Лонгйира завезли на двух пикапчиках очередную партию продуктов. И сейчас пятеро молодых норвежцев сидели тесной компанией за угловым столиком «Белочки», скромно отмечая удачную сделку.

Остальными посетителями закуской были наши соотечественники, волею судеб оказавшиеся на далеком северном архипелаге. Чтобы не выбрать остатки баренцбургского угля слишком быстро, шахта работала в одну смену, которая давно закончилась: дело шло к позднему вечеру, хоть за стеклянными стенами кафе было совсем светло. Жаждающий расслабиться и пообщаться трудовой народ потихоньку заполнял единственный зал «Белочки».

За уставленным нехитрой закуской столиком, в том же уютном уголке, где расположились норвежцы, сидели двое мужчин – постарше и помоложе. Оба были уже на хорошем взводе и явно были настроены продолжить возлияние: в центре столика радовала глаз поллитровка очень приличной шведской водки. Не «Абсолют», конечно, но отечественной тошниловке сто очков вперед даст!

Тот, который постарше, худощавый жилистый мужичок лет пятидесяти, был маркшейдером шахты «Баренцбург» Андреем Павловичем Стеценко, а его собутыльник Витек, молодой крепыш совершенно есенинской внешности, работал на той же шахте проходчиком. Разговор за столиком уже некоторое время велся на слегка повышенных тонах. То есть это они со стороны Стеценко были повышенные, – Витек же отвечал своему старшему товарищу скорее с беззлобной иронией.

– Да я тебе точно говорю, своими глазами видел, вот как тебя, дурака, сейчас, – громким хрипловатым голосом втолковывал Стеценко, для убедительности азартно пристукивая по столику крупным костистым кулаком. – Как раз сутки тому назад! Я на берег вышел, к пирсу, прогуляться. Откуда вышел? Да вот отсюда, из «Белки». Закурил, значит, вдруг слышу – свист. Поднял глаза, а она летит! Или оно, дьявол его разберет. Хрень эта самая. Светится, зараза, аж глазам больно, прямо Тунгусский метеорит! Или это... НЛО! Точно как по ящику в какой-то передаче на прошлой неделе показывали. Я аж присел с перепугу.

– Э-э, Палыч, – махнул рукой Витек, – раз уж ты из «Белки» топал, так странно, что тебе заодно зелененькие человечки не примерещились. Из этой твоей летающей тарелки... Пить аккуратнее надо, а закусывать побольше, и никаких тогда Тунгусских метеоритов.

– Вот ведь чумурудина болотная! – Недоверие приятеля не на шутку зацепило маркшейдера. – Да я столько за свою жизнь выпил, что тебе, щенку, не переплыть! И никогда до горячки не допивался.

– Так ведь, Палыч, все когда-нибудь в первый раз случается, – философски заметил Витек, разливая водку по стопочкам. – Вон Генка Иконников с третьего забоя... Тоже все в порядке было, а месяц назад у него из холодильника апостолы Петр с Павлом вылезли. С целью набить Генкину морду. Так в Россию Генку и отправили, теперь, не иначе, в психушке отды-

хает... Ты же всю неделю последнюю квасишь, вот тебе всякая хрень и мерещится. Да не злись ты, давай лучше прими на грудь еще маленько. Из запоя тоже умеючи выходить надо, не резко. Потихоньку, снижая нагрузку. Вчера ты, скажем, полтора флакона засосал, а сегодня одним ограничишься. Завтра – грамм триста, а потом, – проходчик жизнерадостно засмеялся, – надо вовсе на кефир переходить! Тогда тебе никакие НЛО не страшны будут.

Перспектива перехода на кефир окончательно взбесила Стеценко. Он резко отодвинул стопку с водкой и сказал дрожащим от обиды голосом:

– Ну тебя в задницу, придурок малохольный! Не буду я с тобой пить. А мозги у меня пока что на месте, и своим глазам я верю! Была хрень, НЛО чертово. Я даже засек, куда она свалилась.

– Доставать полезешь? – добродушно хмыкнул Витек и, вдруг увидев кого-то только что вошедшего в забегаловку, заорал на весь зал: – Петро! Дуй сюда, к нам! Тут Палыч такие пули льет – закачаешься! Про инопланетян на тарелке, ха-ха-ха...

Такого Андрей Павлович выдержать уже не мог. Он вскочил со стула, чуть не опрокинув столик, и, не разбирая дороги, ринулся к выходу из кафе.

Свежий вечерний воздух ничуть не охладил обиду Стеценко, напротив, настроение вконец испортилось. Он достал из кармана мятую полупустую пачку «Кэмел», щелкнул зажигалкой... Погода была под стать душевному состоянию. Низкое серое небо давило свинцовой тяжестью, в лицо дул холодный ветер, отдававший запахом йода. И чужое все вокруг, нерусское.

...Андрей Павлович Стеценко заслуженно считался блестящим профессионалом. Маркшейдер – это подземный геодезист и картограф, специальность редкая и требующая врожденного таланта, такая не всякому дается. У Стеценко же было абсолютное чувство направления, буквально до долей румба, как бывает абсолютный музыкальный слух. Плюс к тому перед его мысленным взором по первому желанию возникала как бы размеченная до угловых секунд координатная сетка. С этим надо родиться, тут никакое обучение не поможет, если природа такими способностями не наделила.

А еще у него было очень приличное образование, полученное в Донецком горнорудном техникуме, и колоссальный опыт работы. В каких только уголках России не побывал Андрей Павлович! Донецк, Кузбасс, Кемерово, Норильск, Воркута, Канск, Экибастуз... Он первый картографировал карстовые пещеры Восточного Алтая, эта его работа до сих пор считалась образцовой, вошла в учебники горного дела.

И при всем том жизнь как-то не сложилась. Что тому виной? То ли злой рок, то ли непрактичность и отсутствие бульдожьей хватки, без которой в обновленной России приходится туго, то ли еще чего... Хоть пуще всего, конечно, национальная наша радость и беда: слишком горячая, на грани страсти неутолимой, любовь к выпивке.

Как бы то ни было, но к пятидесяти годам занесло Андрея Павловича на архипелаг Шпицберген, в трест «Арктуголь». Все бы ничего: денег хватало с избытком при его скромных потребностях, на работе уважали и ценили как уникального специалиста, молчаливо закрывая глаза на регулярные запои, но... Но неудержимо, до волчьего воя, тянуло домой, в Россию. Хотя, казалось бы, чему тянуть? Родители его давно померли, с женой Стеценко развелся больше десяти лет назад, обе взрослые дочери удачно повыскакивали замуж и об отце вряд ли вспоминали. Был он, по большому счету, один как перст, однако хотелось вот просто посидеть под яблонькой русской, в Ярославле, на родине побывать, пройтись берегом Волги...

Стеценко выбросил докуренный почти до фильтра бычок, грустно покачал начинающей сесть головой. Становилось зябко. Надо было решать, что делать дальше, как скоротать остаток вечера. Не стоять же на крыльце закуской, как памятник собственному величию! Идти домой, сидеть там в одиночестве, смотреть идиотские мыльные оперы и еще более идиотские ток-шоу по опротивевшему ящику не хотелось до дрожи. Хотелось еще немного выпить, пого-

ворить с кем-нибудь. Но в «Белочку» возвращаться к зубоскалу этому Витьке... Нет уж! Андрей Павлович снова чуть не засопел от обиды.

Но тут, отвлекая Стеценко от печальных мыслей о людской тупости и недоверчивости, кто-то легонько потрогал его за плечо. Андрей Павлович обернулся. Перед ним стоял один из норвежцев, привезших сегодня в «Белочку» продукты. Внешность у этого молодого парня была классическая: высокий, с прямыми соломенно-желтыми волосами и такого же цвета шкиперской бородкой, бледно-голубые глаза... Прямо словно из саги какой выскочил!

– Э-э, мистер... господин... то-ва-риссч... – обратился потомок викингов к Стеценко, – я ненамеренно имел услышать ваш говор с приятелем. Я очень заинтересованный услышать больше еще! Мне имя Олаф. Олаф Хендриксон из Лонгйира. Я хотел предлагать вам немного – как это – о! – де-ряб-нуть. Вы вдвоем быть со мной только. Я выслушивать вас внимательно хочу. Вы будете соглашаться?

По-русски молодой норвежец говорил с чудовищным акцентом, перевирая почти все ударения и головоломно строя фразу, но смысл его предложения до Андрея Павловича дошел.

– Вот, – горестно сплюнул он, обращаясь к самому себе, – свои русаки не верят ни хрена, а забугорники...

Затем поднял взгляд на улыбающегося Олафа Хендриксона, улыбнулся в ответ:

– Дерябнуть, говоришь? Это можно. Отчего ж не выпить да не поговорить с хорошим человеком? Ты, случаем, не шпион? Нет? Вот и славненько, тогда пошли в зал. Только угощаю я, так уж у нас, русских людей, принято.

После совместно усуженной поллитровки все языковые и прочие барьеры были окончательно сломлены.

– Это у меня вид такой дурацкий, – похлопывая по плечу вновь обретенную родственную душу, говорил Стеценко. – Ну и выпил сегодня чуток больше, чем нужно. С кем не бывает? А вообще-то голова у меня работает неплохо. Трудно поверить, правда? А ты вот поверь. В рассказ мой еще труднее поверить, но мамой покойной клянусь – ни слова не соврал! Видел я хрень летучую, вот прям как тебя сейчас вижу! И куда упала, тоже видел!

– Что есть «хрень»? – поинтересовался Олаф.

– Н-ну... Фиговина эта самая, которая вчера с неба на моих глазах звезданулась, – Стеценко, чуть не свалив уже почти опустевшую бутылку, сделал размашистый жест, долженствующий изображать низвержение «хрени» с небес в пучину волн морских. – Я ж без понятия, что это такое было. Может, и впрямь тарелка марсианская. А может, еще чего.

Хендриксона подобное объяснение вполне устроило. Его куда больше интересовал вопрос: сможет ли его русский друг указать на карте, куда именно свалилась загадочная «фиговина»?

– Я же тебе сразу и толком объяснил, – с гордостью в голосе ответил норвежцу Стеценко, – я маркшейдер! И без хвастовства скажу: не из последних. Ты у кого хочешь в поселке спроси, про меня здесь каждая собака знает! – Он помолчал и с гордостью добавил: – И не только собака. И не только здесь... Да я любое расстояние и направление нутром чую, даже там, под землей! А уж когда своими глазами вижу, так и речи нет! И карта любая мне как родная. Ты мне только карту дай, вот хоть двухверстку обычную, нашего Баренцбурга и участка побережья Ис-фьорда, я тебе место в точности укажу, можешь не сомневаться!

Но топографической карты в «Белочке» почему-то не оказалось. Такое вот упущение администрации. Тогда Олаф Хендриксон предложил завтра утром вместе с русским другом съездить в «одно недалекое место», где такая карта, конечно же, найдется. А еще в «недалеком месте» имеются хорошие люди, борцы за чистоту природы, которые внимательно выслушают рассказ Андрея Павловича о таинственном феномене летучей хрени. И, наконец, он, Хендриксон, должен ответно угостить Стеценко! Так уж у них, норвежцев, принято... Единственно, чего он опасается, так того, что если завтра утром его русский друг не появится на работе,

отправившись с ним в «недалекое место», то у друга могут возникнуть нежелательные осложнения с начальством...

Давно известно, что подначка – лучший способ подвигнуть нашего брата-славянина на все что угодно. А уж если славянин «под газом»... Поставьте на перилах моста табличку с надписью «С моста не прыгать!», так замучаетесь прыгунов из воды вылавливать... Сработал этот простенький психологический приемчик и на этот раз.

– Да клал я на них всех с прибором! – возмущенно заявил Андрей Павлович, грозя пальцем воображаемому «начальству». – Что, не врубишься, как это «клал с прибором»? Ну и не надо тебе... У меня за этот год отгулов до чертовой матери, и вообще я птица вольная! Куда хочу – туда лечу. Значит, так: я тебя завтра жду здесь в девять, в «Белке», она как раз откроется. Посмотрим, что это там за друзья у тебя любопытные.

На том и порешили, после чего расстались, предельно довольные друг другом.

7

В тесном командном отсеке подводной лодки чувствовался застоявшийся запах нагретого пластика и отработанного дизтоплива. Резкий свет люминесцентных ламп заливал узкое помещение, пол отсека слегка вибрировал: субмарина продолжала двигаться на северо-восток – к архипелагу Шпицберген.

За небольшим столом, застланным картой западного участка Гренландского моря и побережья архипелага, сидело четверо человек: капитан подлодки Ричард Мертон, его старший помощник, подвижный улыбчивый молодой моряк Энтони Купер, командир группы «морских котиков» Уильям Хаттлен по прозвищу Большой Билл, высокий широкоплечий блондин с загорелым лицом и ярко-синими глазами. В его лице с выступающим вперед по всем голливудским стандартам подбородком чувствовалась сила, упорство и, пожалуй, жестокость.

Четвертым был Роберт Хардер, который и собрал это оперативное совещание.

– Таким образом, – резюмировал Хардер, – наша задача предельно ясна. Найти спутник и поднять его. Поисками займутся ваши пловцы, Билли, а подлодка будет выполнять функции обеспечивающего судна, подстраховывать вас. Норвежцы со станции спутникового мониторинга молодцы, они сработали четко: теперь мы знаем координаты точки падения с погрешностью менее двух миль. Это вот здесь, рядом с Ис-фьордом. Нам повезло: спутник упал на шельф. Правда, донный рельеф на этом участке довольно сложный, но я верю в профессионализм ваших ребят, Хаттлен. Ведь справитесь?

– Обычно справляемся, – коротко ответил Большой Билл. В его речи чувствовался тягучий южный акцент – Хаттлен был уроженцем Алабамы. – Не думаю, чтобы найти эту штуку окажется легко, подводный поиск дело сложное, но... Отыщем, это вопрос времени. Лишь бы нам не помешали!

– Я тоже об этом хотел спросить, – заметил Мертон. – Боб, насколько велика вероятность, что нам попытаются помешать... гм-м... хозяева спутника, как вы думаете?

– Я не думаю, – усмехнулся Хардер, – я знаю. Наверняка попытаются. Сейчас в ту же точку, что и мы, направляется русское гидрографическое судно «Арктур». Цель у русских, как сами понимаете, та же, что и у нас: отыскать и поднять спутник. Вооружения «Арктур» не несет, но на его борту имеется боевой подводный аппарат, новейший российский скоростной транспортировщик. Они называют его «Нерпой». Вам приходилось слышать о такой мини-субмарине, Уильям?

– Да, – коротко ответил «морской котик». – Приходилось. Замечательная штука. Жаль, что у нас ничего подобного нет. Наши «Шарк-Снейки» не дотягивают. Ни по скорости, ни по маневренности, ни по вооружению.

– Я даже знаю, – продолжил Хардер, – кто будет управлять этой славной игрушечкой. Старший лейтенант российского Северного флота Сергей Павлов, слышали о таком?

– О! – воскликнул Большой Билл. – Еще бы я не слышал! Это один из самых сильных боевых пловцов в мире, вот уж действительно – профессионал каких мало! Мне лично с ним схватываться не доводилось, но вот парням с калифорнийского побережья три года тому назад пришлось познакомиться. наших было пятеро против троих русских, и ситуация сложилась так, что миром разойтись не удалось.

– И чем закончилась стычка? – поинтересовался помощник капитана.

– Шесть трупов, – меланхолично ответил «котик». – Четверо наших, двое – русских. А третьим в их группе был как раз этот самый Павлов. Он ушел без единой царапины. Вот так...

– Интересно, – мрачно буркнул Ричард Мертон, ни к кому конкретно не обращаясь, – откуда бы такие точные сведения о русских и их намерениях? Кстати, про этого русского подводника я тоже слышал.

Роберт Хардер поднял на капитана взгляд немигающих глаз. Словно сверкнули два фотографических объектива со зрачками ирисовых диафрагм. Складка у тонкогубого рта стала жесткой.

– А вот задавать подобные вопросы, дружище Дик, я бы вам впредь не советовал, – его голос словно бы изморозью подернулся. – Это может быть неправильно понято. И не только мной. Уж будьте уверены: если я что-то говорю, то хорошо знаю что. Источники же моей информации вас интересовать никоим образом не должны... Занимайтесь своим делом, а мне предоставьте заниматься моим.

– Допустим, – недовольно ответил Мертон, тщательно подбирая слова, – хотя попросил бы не забывать, что я пока еще капитан этого судна! Впрочем, оставим это. Сейчас не время для дрызг и межведомственных разборок. Меня вот что интересует: если встречи с русскими не удастся избежать, то насколько далеко мы можем зайти в применении силы? Я не знаю, какие приказы и инструкции на сей счет получили вы, Боб, от своего начальства, но весь личный состав американского военно-морского флота тщательно проинструктирован адмиралтейством: по возможности избегать любых, даже незначительных конфликтов с русскими военными.

– А мы не станем уклоняться от встречи с русским гидрографическим судном, – невозмутимо откликнулся Роберт Хардер. – Напротив. Мы проведем небольшую такую демонстрацию. И вежливо попросим русских моряков убраться восвояси. Если дело будет происходить в территориальных водах, то совсем хорошо – подключим норвежцев.

– Не думаю, чтобы русские легко согласились с вашим предложением, – покачал головой Мертон. – Они скорее всего откажутся. И что тогда? Не топить же мне их судно: наши страны, хвала всевышнему, не воюют!

– Отправить их на грунт, – мечтательно полуприкрыв глаза, заметил Хардер, – было бы наилучшим решением всех проблем, но, увы... Слишком много свидетелей вокруг! Взять хотя бы этих треклятых экологов из «Гринписа».

– А «зеленые»-то тут с какого бока? – недоуменно поинтересовался Энтони Купер, помощник капитана подлодки.

– Вот посмотрите, – остро отточенным карандашом Хардер дотронулся до карты. – Это норвежский поселок Лонгйир на побережье Ис-фьорда, а тут, в пяти километрах от него, международная станция экологов «Гринписа».

– Терпеть не могу этих чокнутых, – командир «котиков» только что на пол отсека не сплюнул, хотя весь его вид красноречиво свидетельствовал – очень хотелось Большому Биллу сплунуть!

– Что чокнутых, так это в самую точку, – согласился с Билли Хаттленом помощник капитана. – У моей старшей сестры муж влип по уши в это безобразие. Мужуку под сорок, а ведет себя как подросток. Представьте, в знак протеста приковал себя наручниками к воротам военно-морской базы в Хэрроу-Бич. Автогеном отрезали... Позорище! Дали идиоту шесть месяцев тюрьмы... Сестренку жалко: за что ей такое! Нет, ей-богу, лучше бы пил! С ума они все со своей экологией посходили, вот что я вам скажу!

– Ну, зачем вы так, – попытался вяло возразить Мертон. – Цели ведь у них хорошие – чтобы планета чище стала. Замыслы самые благородные...

– Ага, – хмыкнул Хардер и снова смерил капитана холодным, словно бы ничего не выражающим, взглядом. – Благородные замыслы – это, дорогой Дик, такие замыслы, в которых очень много благородства и очень мало здравого смысла и шансов на успех! Моя... организация наладила прослушку их радиообмена и телефонных разговоров. У меня есть распечатки. Можете ознакомиться, чтобы предметно представлять, с кем, возможно, придется иметь дело. Гринписовцы подвинулись на идее создания на территории Западного Шпицбергена эколого-ландшафтного заповедника. Требуют полного запрета на любую хозяйственную деятель-

ность. Уже успели выйти с этим предложением в норвежский стортинг, где этот бред всю поддержку опозиция. А главные враги у них – это, конечно, мы, военные. Причем без разницы: русские ли, норвежцы, американцы или еще кто. Впрочем, – он поднялся из-за стола, – есть хорошее правило: решать проблемы по мере их возникновения. Капитан, как скоро мы доплывем в расчетную точку?

«Это дерьмо доплывает, – хотелось огрызнуться Мертону, – а боевая подлодка доходит!»

– При такой скорости, – недовольно ответил он, – ранним утром будем в нужном районе.

...Плотно прикрыв за собой дверь капитанской каюты, Ричард Мертон достал из встроенного в переборку небольшого сейфа початую бутылку шотландского виски «Катти Сарк». На его умном живом лице проступила усталая и тщательно скрываемая горечь. Мертон налил себе на три пальца виски, выпил одним глотком, как лекарство. Настроение было отвратительным: присутствие на его лодке этого цэрэушника Хардера выводило капитана из равновесия. Чувствовалось в «офицере» что-то самодовольное, высокомерное, вызывающее у капитана рефлекторную неприязнь.

Кроме того, Мертон никак не мог понять: почему это у него буквально горло перехватывает от недобрых предчувствий...

8

Раннее утро следующего дня застало гидрографическое судно «Арктур» на траверзе Земли Принца Карла, небольшого скалистого островка у западной оконечности архипелага Шпицберген. Нижняя кромка мощных кучевых облаков в свете поднимающегося все выше над горизонтом солнечного диска переливалась пурпурными бликами, отражавшимися в холодных водах Гренландского моря. Дул порывистый северо-восточный ветер, было свежо. В небольшом палубном закутке, прикрытом от порывов ветра выносной тумбой локатора кругового обзора, стояли двое: Сергей Павлов и капитан Мезенцев.

– Вот здесь тебе, Полундра, и работать, – сказал капитан «Арктур», обращаясь к Павлову и обводя широким жестом руки северную часть горизонта. – Если вообще имеет смысл вести подводный поиск, то вон там, северо-восточнее, на шельфе.

– Тебе, Василий Капитонович, раньше в этих водах бывать доводилось? – поинтересовался Сергей. – Отлично! Поделись опытом – какая тут гидрографическая обстановка, в чем особенности района?

Мезенцев помолчал, вспоминая и мысленно анализируя свои воспоминания о прошлых плаваниях «Арктур» в этих широтах. Достал из кармана кителя пачку сигарет, ловко прикурил, прикрывая огонек зажигалки от порывов ветра.

– Я дам тебе лоцию этого участка побережья, прочти ее внимательно. А на словах... Сложная здесь гидрография! Очень запутанная геоморфологическая картина что на суше, что под водой. Сплошные узости: шхеры, фьорды, весь берег изрезан. И потому здесь необычайно высокие приливы, это может здорово осложнить тебе жизнь. В шхерах уровень воды колеблется порой до пяти-шести метров. Словом, прятаться здесь или что-то прятать – одно удовольствие, а вот искать... Замучаешься! И на удивление крутые перепады глубин даже на шельфе, там по дну такие вроде как долинки идут, а поперек шельфа – гребни. Не донный рельеф, а настоящий лабиринт, причем трехмерный.

Их беседу прервало появление старпома, тот доложил Мезенцеву, что вахтенный гидроакустик поймал четкий сигнал: характерный шум винтов на глубине около полусотни метров, чуть вперед и вправо по курсу.

– Давай-ка, Полундра, в акустический отсек спустимся, – заинтересованно сказал капитан. – Пошарим по нашей базе данных, вдруг кто знакомый шумит?

Еще со Второй мировой войны известно: шум винтов, акустический след каждого судна уникален, как отпечатки пальцев или рисунок радужной оболочки глаза у человека. Нет двух судов, оставляющих одинаковый звуковой след, и если иметь реперные данные, акустические характеристики, то по звуковой картинке можно установить не только тип судна, но и его название, порт приписки и чуть ли не фамилию капитана. Это стало возможным относительно недавно, лет двадцать назад, когда появились сверхчуткие высококачественные гидроакустические системы нового поколения с повышенной разрешающей способностью. За эти последние двадцать лет все крупные военные флоты мира накопили колоссальное количество «звуковых отпечатков» как своих кораблей, так и чужих. Переведенные в интерактивную цифровую форму, эти акустические автографы заносились в электронные базы данных. И теперь распознавание корабля, который позволил себя услышать, стало довольно рутинной процедурой. Хотя и сейчас многое зависело от опыта и профессионализма гидроакустика, поймавшего сигнал.

Ни того ни другого вахтенному акустику «Арктур» было не занимать. Когда Мезенцев и Полундра зашли в его отсек, акустический след, соответствующий только что засеченному, был уже найден в памяти бортового компьютера. Данные сонарного эхолатора также под-

тверждали: в кабельтове прямо по курсу на глубине пятидесяти метров имеется движущийся навстречу «Арктуру» объект. Вне всякого сомнения – подводная лодка.

Здесь же, в тесноте отсека, нетерпеливо переминался с ноги на ногу подполковник Тиняков, извещенный об идущей навстречу подлодке старпомом. Выражение его лица выдавало нешуточную озабоченность.

– Вы можете определить, что это за подлодка? – тут же обратился он к капитану.

Мезенцев взял протянутые ему акустиком распечатки, задумчиво посмотрел на них, сравнивая. Затем довольно усмехнулся:

– Да, могу, и с полной достоверностью. Это американская тактическая дизельная субмарина класса «Небраска». Бортовой номер R-170. С натовской военно-морской базы в Рейкьявике. А командует подлодкой капитан Ричард Мертон. Мой, кстати, хороший знакомый.

– Вот как? – Брови Тинякова удивленно поднялись. – А где же это вы ухитрились свести знакомство с американским подводником?

– Как раз на этой самой субмарине, которой он командовал и тогда, во время прошлогодних натовских учений «Джойнт Винтер». Я был наблюдателем от России. Когда учения благополучно завершились, мы с Диком крепко это дело отметили. Мертон только шотландское «Катти Сарк» признает, но зато уж дозы... Я, правда, не посрамил чести Северного флота, так что литра полтора мы с Ричардом усидели. Ну и за жизнь поговорили, у меня разговорный английский вполне приличный.

Полундра слегка усмехнулся: после полутора литров шотландского виски на двоих даже под хорошую закуску речь приобретает настолько интернациональные черты... Зулуса или бушмена без всякого перевода понимать начнешь!

– Он мой ровесник, родом из Новой Англии, из Вермонта, – продолжал меж тем рассказывать о своем американском знакомце капитан «Арктура», – и потомственный военный моряк. Мне Дик много чего интересного про деда с отцом порассказал. Дед его, тоже Ричард, побывал под японскими бомбами во время трагедии в Перл-Харборе, был тяжело ранен. А затем, когда выздоровел, участвовал в проводке ленд-лизовских полярных конвоев. В том числе злосчастного PQ-17. И проявил себя не только отважным, но очень хитрым и сообразительным капитаном. Он в тот раз командовал транспортом – сухогрузом «Алабама», класса «Либерти». Когда конвой распался, как раз почти в этих самых водах, около Шпицбергена, только чуть севернее, шансов уцелеть у «Алабамы» практически не было. Не торпедоносцы, так «волчата» гроссадмирала Деница непременно пустили бы транспорт на грунт. Если бы не Мертон-дед! Он сменил курс, ушел резко к норду, в полярные паковые льды. И совершенно сознательно вмерз в них. Рисковал, конечно, запросто могло «Алабаму» льдами при подвижках раздавить, но зато искать его там фашистам в голову не пришло. А хоть бы и пришло, так не нашли бы: он приказал соблюдать полное радиомолчание и заглушил машину. Мертон прекрасно ориентировался в течениях этой части Баренцева моря и знал, что ледяное поле, в которое он вмерз, дрейфом рано или поздно непременно снесет к Новой Земле. Что и случилось, не прошло и трех недель.

– Ого! – вставил реплику Сергей, с огромным интересом слушавший рассказ Мезенцева. – Я думаю, парням на «Алабаме» эти три недели тремя годами показались! Полярная ночь, полная тишина, только лед потрескивает у бортов. И неизвестно: то ли он просто так потрескивает, то ли... А раз машина заглушена, значит, холодина у них там стояла страшная. Но придумано, действительно, хитро! И чем закончилась эта история?

– Хорошо она закончилась, – довольно улыбнулся капитан. – Их слегка помяло, но на траверзе Новой Земли они взрывчаткой успешно выломались из льдины, вышли по разводьям в чистое море и взяли курс на Архангельск. Там уже была зона действий нашего Северного флота. «Алабаму» на полпути встретили конвойные эсминцы и с почетом проводили до

причала. Капитан Мертон получил от нашего командования звездочку. А подводники Деница получили под нос жи-ирный такой кукиш с маслом!

– Звездочку дали за дело! – одобрительно кивнул Полундра. – Транспорт такого класса гору оружия перевозит... Дивизию вооружить можно! А отец твоего знакомого тоже военный моряк?

– Был. Сейчас в отставке. С ним тоже интересно. Джордж Мертон закончил службу контр-адмиралом американского шестого флота. Как, кстати, и дед, но тот к тому времени, когда его старший сын получил свой первый корабль, уже лежал на Арлингтонском кладбище, старые раны сказались. Так вот, если дед Дика был нашим союзником, то отец – такие уж времена наступили! – как раз наоборот. Его эсминец был в составе эскадры, которая блокировала Кубу во время Карибского кризиса. А когда началась вьетнамская заваруха, он командовал отрядом противолодочных тральщиков и в Тонкинском заливе с нашими малость похлестался. Оно, конечно, никаких таких «наших» там по официальной версии не было, но мы-то все знаем...

Полундра согласно кивнул. Как же, «не было»! Он подумал, что отец капитана американской субмарины вполне мог сойтись на узкой дорожке там, у берегов Вьетнама, хоть с тем же Сорокиным. Или еще у каких берегов...

– Вот ведь что интересно, – улыбнулся Мезенцев, – по словам Ричарда, и дед, и отец отзывались о русских моряках с огромным уважением и даже симпатией. Несмотря на то что Джорджу мы, наверное, немало крови попортили. Как и он нам.

– А я смотрю, – недовольно пробурчал молчавший до сих пор подполковник Тиняков, – вы о них с неподдельной симпатией говорите. Странно это как-то...

– Отчего же странно? – живо возразил Мезенцев. – Ричард Мертон – классный моряк и отличный мужик. Опытный командир, умница. Я бы с превеликим удовольствием поучаствовал с ним в совместных учениях. Не его ведь вина, что натовцы до сих пор рассматривают северные моря как потенциальный театр военных действий! Тут политикам надо как-то договариваться, а нам, морякам, делить особо нечего.

– На этот раз боюсь, что есть чего, – вздохнул Павлов. – Сам подумай, Капитоныч: с какой бы стати американская субмарина под командованием твоего знакомого оказалась тут одновременно с нами?

– Что, хочешь сказать, они тоже ищут утонувший спутник?

Полундра только плечами пожал, всем своим видом показывая, что именно это он и хотел сказать. Но тут Сергею неожиданно возразил Тиняков.

– С чего это вы взяли, что американцев интересует спутник? – поинтересовался подполковник своим, как обычно, брюзгливым тоном. – Это чистой воды домыслы. Скорее всего, субмарина оказалась здесь случайно. Или, может быть, их заинтересовало наше появление в этом районе. Мол, что поделявает тут русское гидрографическое судно?

Павлов вновь неопределенно пожал плечами, с явным сомнением в голосе протянул:

– Случайно? Что ж... Возможно, дело обстоит именно так...

Хотя интуиция говорила Полундре, что дело обстоит вовсе не так! Он достаточно поматался по океанам планеты, чтобы в такого рода случайности не верить. Это не оживленный средиземноморский перекресток возле Босфора и Дарданелл, не Гибралтар, не Ла-Манш! Чтобы в пустынном уголке Гренландского моря в одно и то же время оказались «Аргус» и R-170? Да еще почти сразу после падения российского спутника-шпиона? Бабушке своей про такие случайности расскажите! Удивляло другое: неужели Тиняков, которому по должности, по специфике службы положено быть особо осторожным и подозрительным, до такой элементарщины не додумался? Странно это, право слово...

– Василий Капитоныч, – обратился Сергей к капитану, – запроси у локационщиков: что там на экране эхолота? Они должны быть уже почти точно под нами. Если мы разошлись на встречных курсах, тогда это, видимо, впрямь случайность. А вот если нет...

Оказалось, что нет. Эхо-сигнал сонара однозначно свидетельствовал: подлодка развернулась на 180 градусов, синхронизируя направление движения с «Аргусом», и сейчас шла параллельным курсом в полукабельтове справа от него. На тех же пятидесяти метрах глубины. Не опережая, но и не отставая, как привязанная. Какие уж тут случайности!

9

В Мурманске погода испортилась с раннего утра. Тонкие сероватые струи дождя шуршали в таких же тонких ветвях молодых осинок. Небо расчистилось лишь к полудню. Обрывки грязных туч, уносимые резким ветром, быстро мелькали в его холодной зеленоватой глубине.

Мощное, сталинской еще постройки, трехэтажное здание штаба Северного флота России стояло на тихой улочке совсем неподалеку от порта. В нем на втором этаже за тяжелой дубовой дверью без таблички располагался служебный кабинет начальника оперативного управления штаба, контр-адмирала Петра Николаевича Сорокина.

В глубине кабинета за рабочим столом Сорокина под портретами адмиралов Нахимова, Ушакова и Макарова сидели двое: сам контр-адмирал и генерал российских аэрокосмических войск Олег Васильевич Шаховской. Оба они еще утром прилетели спецрейсом в Мурманск из Плесецка: штаб операции по спасению утерянного спутника переносился поближе к месту событий. Саму же операцию, получившую условное кодовое название «Поморник», взял на контроль Генеральный штаб. К некоторому удивлению обоих, Москва возложила оперативное руководство «Поморником» не на Сорокина, а на генерала Шаховского.

Сейчас взгляды обоих военных были обращены на громадную карту акватории морей Ледовитого океана, занимающую полстены адмиральского кабинета. Еще одна карта, оперативно-топографическая двухверстка Западного Шпицбергена в районе Баренцбурга и Земли Принца Карла, лежала на столе перед ними.

– Странно совсем не то, – задумчиво сказал Шаховской, продолжая делиться с хозяином кабинета своими соображениями, – что американская подлодка незамедлительно вышла в район Земли Принца Карла, к месту падения нашей пропавшей. Этого как раз следовало ожидать! Их станции слежения работают четко, координаты от норвежцев со «Свалсата» их аналитики в Брюсселе получили на тарелочке с голубой каемочкой. Дальнейшие их действия предугадать нетрудно. Мне непонятно совсем другое: каким загадочным образом янкесам стало известно о миссии «Арктур»? И ладно бы только о миссии, но ведь и о средствах ее исполнения тоже! Они даже в курсе того, что на борту нашего судна имеется «Нерпа», знают, кто будет ею управлять. Да-да, я про вашего знаменитого Павлова говорю. И что на «Арктуре» сейчас находится Тиняков, им тоже известно.

Сорокин некоторое время молчал, сосредоточенно рассматривая двухверстку. На его худощавом умном лице отражалась интенсивная работа мысли: последние слова Шаховского явно озадачили контр-адмирала. Он встал из-за стола, медленно прошелся по кабинету, открыл дверцу небольшого шкафчика, выделявшегося среди стандартной и строгой офисной мебели каким-то уютным домашним видом. Достал короткую изогнутую трубку, коробку с «Честерфилдом». Через пару минут по кабинету поплыл аромат хорошего табака – Петр Николаевич был заядлым курильщиком. Сорокин не торопился. Он был полон спокойной, несуетной уверенности в себе, которая у другого выглядела бы высокомерием.

Молчал и генерал Шаховской, словно дожидаясь ответной реплики на свои последние слова, какого-то вопроса. И он его дождался.

Сорокин, попыхивая трубочкой, вернулся к столу, не присаживаясь, вновь склонился над картой. Затем поднял взгляд внимательных цепких глаз на Шаховского, улыбнулся.

– Могу я поинтересоваться, Олег Васильевич, – спросил контр-адмирал спокойным, чуть глуховатым голосом, – откуда у вас такая информация о столь удивительных познаниях американцев? То есть о том, что им известно про «Нерпу», Павлова, этого, как его... Тинякова?

Генерал довольно кивнул:

– Вы можете. Мало того, вы просто обязаны об этом знать. Потому что нам вместе думать, что делать с этой информацией...

Олег Васильевич Шаховской был из тех, настоящих, а не декоративно-опереточных генералов, которых, к величайшему сожалению, не так много осталось в Российской армии. Свою служебную карьеру он начал с лейтенантского звания и сейчас носил генеральские звезды и занимал немалую должность не по протекции, не по кумовству, а благодаря своему уму и таланту. Сорокина он заочно знал довольно давно и очень уважал за сходные нравственные и деловые качества, за то, что продвижение контр-адмирала по службе очень напоминало его собственное. Оба они были крепкими военными профессионалами, на которых, собственно, держится армия, а, как известно, рыбак рыбака видит издалека. Шаховской был весьма доволен тем, что решать свалившуюся на его голову сложную задачу ему предстоит в паре с этим опытным и толковым моряком. Поэтому никаких секретов от Сорокина генерал держать не собирался. Как раз наоборот – хотел посоветоваться.

– Я получил эти сведения с самого верха, – Шаховской выразительно указал пальцем на потолок кабинета, – из оперативного отдела Генштаба. А они, соответственно, от службы внешней разведки.

– Скорее всего, – достаточно уверенно прокомментировал Сорокин, – здесь были задействованы каналы ПГУ ФСБ? Или все-таки армейцы из ГРУ?

– Затрудняюсь точно ответить на ваш вопрос, – задумчиво сказал Шаховской. – Я не специалист, я весьма слабо разбираюсь в таких вещах...

– Значит, либо те, либо другие, – заключил контр-адмирал, будучи уверен, что его собеседник в «таких вещах» разбирается очень хорошо, – что в данном конкретном случае не так уж важно. Хотя нет! Очень даже важно. Скажите, Олег Васильевич, тот подполковник, которого мы отправили с «Арктуром», он к какому ведомству принадлежит: к военной разведке ГРУ или к фээсбэшным структурам? Я не слишком выхожу за рамки своей компетенции? Поймите, это не из досужего любопытства...

– Выходите, само собой, – глаза генерала Шаховского весело блеснули, – и не только своей, но и моей тоже. Однако пес с ними, с рамками! Необходимое условие того, что мы вдвоем сделаем что-то путное и не провалим операцию «Поморник», – это наше с вами взаимное доверие. Я не могу ответить на ваш вопрос о Тинякове со стопроцентной точностью, он не был мне непосредственно подчинен. Но я почти уверен, что он из «Аквариума», из ГРУ.

– Вот и мне так показалось. Я несколько раз имел дело с его... коллегами. Их отличает такой особый стиль. Не фээсбэшный. Вы догадываетесь, почему я спросил вас об этом?

Шаховской внимательно, чуть улыбаясь, посмотрел в глаза контр-адмирала.

– Пожалуй, да. Но хотел бы услышать от вас. И не только это. Как вы вообще оцениваете сложившуюся ситуацию?

– Как весьма сложную, – немедленно откликнулся Сорокин. – Я, кстати, полностью согласен с вашим тезисом о взаимном доверии. Так вот, если твердо установлено, что произошла утечка сверхсекретной информации, а исходить придется именно из этого, то имеет смысл задать себе вопрос: а кто был к ней допущен?

– Весьма ограниченный круг лиц, – подхватил тему генерал. – Причем простых исполнителей, технический персонал, можно сразу же вынести за скобки. Таких, например, как операторы мониторинга в Плесецке. Они знали время запуска ракеты-носителя, могли строить предположения о характере и назначении спутника, но не более того. Подобного рода информацию американцам нет никакого резона добывать агентурным путем: это каменный век, им вполне хватает средств обнаружения типа «Глобуса-2».

– Верно, – согласился Сорокин. – Пилота «мошки» тоже можно исключить. Что он мог передать американцам? Только то, что высадил на палубу «Аркура» некоего неизвестного ему человека. Ни о курсе судна, ни о поставленной задаче он не имел ни малейшего представления.

– Кто же остается? – мягко спросил Шаховской. – Давайте-ка доведем мысль до конца!

Сорокин глубоко затянулся ароматным дымом «Честерфилда», снова прошелся по кабинету. Да, что ни говори, а работать с генералом Шаховским было легко и приятно. Умный человек, с полуслова все понимает!

– Мы с вами и остаемся, Олег Васильевич. Плюс капитан «Арктура» Мезенцев со своим старшим помощником. Плюс старший лейтенант Сергей Павлов. С подполковником Тиняковым сложнее. И вы и я уверены, что информация о протечке пришла в Генштаб через зарубежные агентурные структуры ПГУ ФСБ. Если была бы возможность бросить на подполковника хоть малейшую тень, они бы не преминули этого сделать. Мы с вами волки битые, для нас давно не секрет, что две эти самые мощные наши спецслужбы живут как кошка с собакой. Или, точнее, два медведя в одной берлоге: каждая шпионская контора видит в другой опасного конкурента. Однако они этого не сделали. Почему?

– Вот именно к этим мыслям я и хотел вас подвести, когда рассказал о полученной мной из Генштаба информации, – довольно сказал Шаховской. – Вопрос в том, как нам дальше строить оперативную тактику! Вот послушайте, что мне пришло в голову...

Говорил Олег Васильевич довольно долго, не перебивавшему его Сорокину хватило времени на то, чтобы выкурить еще одну трубочку. Когда Шаховской закончил, контр-адмирал, слегка усмехнувшись, заметил:

– Ваша идея, Олег Васильевич, мне понравилась. Просматривается тщательно выстроенная, грамотная такая провокация. Может очень изящно получиться!

– Ну что вы, Петр Николаевич, – добродушно рассмеялся генерал, явно довольный одобрением Сорокина, – так сразу и провокация! В приличном обществе это слово стараются не употреблять.

– Так-то в приличном, – рассмеялся в ответ Сорокин, – а вы в моем находитесь... А если серьезно и по существу, то у меня есть к вашему плану несколько небольших дополнений...

10

...Погода испортилась внезапно. Еще утром солнце весело заливало морской простор ярким светом, но ближе к полудню тучи лениво напоздали на побагровевший солнечный диск. Задул порывистый северо-восточный ветер, дохнувший холодом вечных полярных льдов. А тучи словно бы размножились делением, отодвигая к горизонту светлую полоску чистого неба, покуда оно не повисло над морем тяжелой темной крышей. Поверхность моря стала закручиваться короткими злыми волнами, на них забелели пенные гребешки. Мелкий холодный дождь заполнил тяжело шевелящимся серым занавесом все пространство между небом и морем. Норд-ост же усиливался с каждой минутой! Он, словно упустивший добычу хищник, злобно выл и визжал в снастях «Арктура», срывая гребни невысоких пока волн, наполнял воздух взвесью мельчайших соленых брызг, смешивающихся с дождевыми каплями.

Полундра, не обращая внимания на испортившуюся погоду, готовил «Нерпу» к погружению. Пора было начинать подводный поиск, хоть чем больше он думал о поставленной задаче, тем безнадежнее она ему казалась. К тому же сейчас у Павлова появилась еще одна головная боль: американская субмарина, которая так и продолжала следовать параллельным курсом. Что произойдет, если он встретится с ней под водой? Чего, собственно, хотят янки? А в том, что встречи не избежать, Сергей не сомневался. Сейчас «Арктур» шел «самым малым», описывая широкую дугу около восточной оконечности Земли Принца Карла. Под брюхо «Нерпы» уже заведены тали корабельной лебедки, пора было надевать гидрокостюм и комбинированный воздушно-кислородный аппарат, который Павлов предпочитал обычному аквалангу.

Но нет! Встречу с глубинами Гренландского моря пришлось отложить ради другой встречи. Старпом, который вместе с Полундрой распаковывал «Нерпу» и сейчас собирал в матерчатый футляр раскиданные по палубе монтажные инструменты, вдруг удивленно присвистнул, тронул Сергея за плечо, привлекая его внимание:

– Смотри-ка! Вон, по правому борту, в полукабельтове. Надо же, в такую погоду решились на всплытие, не боятся, что им в люки накапает...

Серая туша всплывшей субмарины слегка покачивалась на длинных невысоких волнах, которые все же доплескивали почти до крыльев ходового мостика. На мостике стояло трое человек, с трудом различимые в пелене дождя и водяной пыли. Зато короткие яркие вспышки проблескового прожектора командной рубки американцев были вполне отчетливы.

Сзади, за спиной, послышалось шуршание дождевика. Полундра обернулся; это на палубу поднялись капитан с подполковником Тиняковым.

– Что они передают? Я не разбираюсь в этой кодировке, – немного нервно спросил Тиняков, обращаясь сразу ко всем трем стоящим рядом с ним морякам.

– Это называется семафорить, – пояснил Мезенцев. – Предлагают встретиться и обсудить «некоторые вопросы, представляющие взаимный интерес», хороша, однако, формулировка! Так, – повернулся он к старпому, – поднимись в рубку и дай им ответный семафор: мы согласны принять их представителей на борту «Арктура». А я пока посмотрю, нет ли у них на мостике моих знакомых.

Мезенцев приложил к глазам окуляры мощного морского бинокля, некоторое время вглядывался в туманную водяную пелену, затем опустил бинокль, довольно хмыкнул:

– Все точно, не напутали мы с акустикой: посередине стоит Ричард Мертон собственной персоной.

– А кто двое остальных? – спросил Тиняков.

– Вы что, подполковник, решили, что я знаю в лицо весь личный состав американского военного флота? – с изрядной долей ехидства ответил вопросом на вопрос капитан «Арктура». – Увы...

Снова в рваном ритме замигал семафор американской подлодки. Мезенцев и Полундра напряженно глядели на вспышки света, считывая ответ на предложение, которое только что передал старший помощник.

– Отказываются, – перевел Тинякову капитан. – Предлагают нам спустить катер, а они спустят свой. И встретиться прямо посередке. На нейтральной, так сказать, территории.

– Акватории, – машинально поправил его Павлов. – Ну, прямо-таки дипломатический протокол! Что предпримем, Василий Капитоныч?

– Спускаем катер, – вдруг вклинился нервно покусывающий губы Тиняков. – Пойдем вдвоем с вами, капитан. Нужно узнать, чего они хотят.

Мезенцев поднял на Тинякова взгляд потемневших глаз и после долгой напряженной паузы тихо, но твердо сказал:

– Вот что, подполковник... Усвойте на будущее: капитан на корабле бывает только один, а меня покамест не разжаловали. Так что приказы здесь отдаю я. Хотя в данном случае я с вами согласен. Но, предупреждаю, говорить с янки я буду без ваших подсказок, мне суфлеры без надобности.

– Вы правы, прошу прощения, – опустил голову Тиняков, но его лицо при этих словах исказилось в злобно-брезгливой гримасе. – Все это так неожиданно...

– Э-э, одну минутку! – раздался насмешливый голос Полундры. – Вы, господин подполковник медицинской службы – так ведь в вашем командировочном предписании значится? – никого не забыли в предполагаемую дипломатическую миссию включить? Меня вот, например... Да в курсе я, в курсе, что оперативное руководство возложено на вас. Но конкретной-то работой придется заниматься мне. Так вот, меня весьма интересует, в каких условиях эта работа будет проходить. И что-то мне подсказывает в этой связи, что мне полезно самому послушать американцев. А не в вашем вольном изложении, вдруг вы английским языком на уровне шестого класса оч-чень средней школы владеете? Кроме того, вы моторный катер вести сможете? Ах, нет... Я почему-то так и предполагал. А Василию Капитоновичу по рангу не положено как главе нашей «делегации». Так что поведу катер я. Достаточно понятно излагаю?

– Достаточно, – буквально проскрипел Тиняков, и выражение его лица из злобно-брезгливого превратилось просто в злобное. – Более чем...

Через двадцать минут после первого семафорного сигнала всплывшей подлодки два моторных катера, прочно принайтованные бортами друг к другу, колыхались на все набирающих силу волнах Гренландского моря, то проваливаясь во впадины между валами, то поднимаясь на пенные гребни.

В американском катере тоже находилось трое человек, те самые, которые стояли на крыле ходового мостика подлодки. Капитан R-170 Ричард Мертон, Роберт Хардер и Уильям Хаттлен, командир группы «морских котиков».

Первым подал голос капитан Мезенцев. Его английский действительно оказался безупречен.

– Где только люди не встречаются, Ричард, старина! Я рад вас видеть! Позволю себе заметить, что вы зря отказались от дружеского визита на «Арктур». Я, правда, не богат запасами «Катти Сарк», но уж настоящей русской водкой вас и ваших сослуживцев угостил бы. За мной должок, ведь вы так гостеприимно принимали меня в прошлом году!

– Я тоже рад видеть вас в добром здравии, Бэйзил, – раздалось в ответ, хотя особой радости в голосе американца как-то не прослушивалось. По немного напряженному лицу Мертона скользнуло подобие усмешки: он оценил иронию ситуации.

– Вам не кажется, господа, что погода сегодня не располагает к длительным беседам? Не Майами-Бич все-таки, – в голосе Мезенцева отчетливо слышались насмешливые нотки. – Что там за вопросы такие возникли, «представляющие взаимный интерес»? Растолкуйте, будьте столь любезны.

– Дело в том, капитан, – вступил в разговор Роберт Хардер, – что нам известна причина появления вашего судна в этих водах.

– Вот как? – Мезенцев прекрасно сыграл предельное удивление. – Любопытно было бы узнать: откуда такая замечательная осведомленность?

– В контексте нашего разговора это совершенно неважно, – покривился Хардер. – Важно то, что нас ваше присутствие здесь не устраивает! И мы предпримем все возможное, чтобы этого присутствия не допустить.

– Не слишком ли много вы берете на себя, Боб? – тихо, чтобы не услышали русские моряки, буркнул Мертон, но Роберт Хардер эту реплику своего соотечественника проигнорировал. На русском катере выжидательно молчали. И тогда Хардер произнес целый монолог, хоть со сцены в бродвейском театре читай!

Смысл монолога оставался довольно туманным, но весьма угрожающим. Хардер напирал все больше на то, что Гренландское море вообще и акватория Западного Шпицбергена в частности являются сферой интересов НАТО. А потому русским кораблям делать здесь нечего. У русских кораблей могут возникнуть, мягко выражаясь, неприятности.

– Стоп, стоп! – прервал в этом месте монолог капитан Мезенцев. – Мы находимся в открытом море, а не в территориальных водах. Оно потому так называется, что, к вашему сведению, открыто для всех. Тем более для мирного гидрографического судна, которое не несет на борту никакого оружия!

– Во-первых, – немедленно возразил американец, – относительно открытого моря – это как посмотреть! Норвежцы считают акваторию, прилегающую к Земле Принца Карла, именно своими территориальными водами. Предвижу ваши возражения, чем, дескать, в таком случае мы лучше и что тут делает американская подлодка, да? Отвечаю: разница в том, что норвежцы наши союзники, а не ваши. Мы здесь, если угодно, в гостях. А во-вторых... наша субмарина, в отличие от вашего «Арктура», несет весьма значительное количество оружия. Так что я возвращаюсь к напоминанию: в море всякие неприятности порой случаются!

Его тонкие губы растянулись в улыбке, больше похожей на хищный оскал хорька. Потом Хардер даже засмеялся, словно бы приглашая всех участников этой странной встречи оценить свою остроумную шутку. Однако смех его звучал принужденно, словно у игрока в покер, поставившего все на закрытую карту, испытывающего страшное напряжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.